

Светлана Бестужева-Лада

Одинокая волчица

Том второй.
Императрица

Светлана Бестужева-Лада

**Одинокая волчица. Том
второй. Императрица**

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Одинокая волчица. Том второй. Императрица / С. И. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

Приключения продолжаются, но в судьбу героини неожиданно вмешиваются представители преступных группировок. И снова невозможно понять, кто — герой, а кто — злодей и почему убивают из пистолета, надежно запертого в сейф...

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Сегодняшний день – это завтрашняя история	8
Глава вторая. Старый друг опасней новых двух	18
Глава третья. Рыцарь печального образа	28
Глава четвертая. Сумасшедшие – всегда хитрые	37
Глава пятая. Одна и без оружия	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Одинокая волчица
Том второй. Императрица
Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Она сидела в гостиной на роскошном диване, обитом снежно-белой кожей, и машинально прихлебывала из высокого бокала ручной работы виски с содовой. Надо было бы добавить льда, но мысль о том, что придется идти через анфиладу нарядных и безликих комнат, убивала всякое желание. Дворецкий, конечно же, давно спал, равно как и горничные.

Бог с ним со льдом, главное, чтобы алкоголь размыл это чувство безотчетной тревоги за будущее, прочно угнездившееся в ее груди. На следующее утро предстоял пикник в шикарном доме, где будут подавать все, за исключением разве что птичьего молока, изысканные туалеты будут подчеркивать богатство их обладательниц, каждому гостю вручат именную золотую палочку для помешивания напитков...

А у нее перед глазами стояло неестественно-спокойное мужское лицо, неотвратимо надвигавшееся на нее, и при виде этого лица почему-то в голову приходила мысль о близости смерти...

Смерти она давно уже не боялась, несколько раз заглядывала ей в глаза, ощущала на лице ее ледяное дыхание, чувствовала, как сердце бьется все медленнее и медленнее. И каждый раз это неумолимое копье просвистывало буквально в долях миллиметра от нее. Воистину, кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Но и радости от внезапно свалившегося на нее богатства она не испытывала. Точнее, перестала испытывать, когда поняла, что привлекательными весь этот блеск и роскошь кажутся только тем, кто никогда их не видел вблизи, а только на экране или на страницах книг. Действительность была лишена стерильности и лакировки изображения, в ней на каждом шагу поджидали ловушки и смутное ощущение угрозы. И какая разница, где плакать от тоски и непонятного страха: в роскошной гостиной или в убогой комнатенке?

Одиночество – вот что убивало вернее всего. Сколько бы людей не крутилось около нее, чувство заброшенности и ненужности не покидало. Как-то раз она, потеряв ощущение реальности, сказала случайному собеседнику, сравнившему ее с прекрасной тигрицей:

– Какая я тигрица. Я самая настоящая волчица. Только одинокая.

– Одиноких волчиц не бывает, – возразил ей собеседник. – Бывают только одинокие волки. Это – мужская доля.

Идиот! Мужская доля – надо же такое сказать. Существует только одна доля-долюшка – женская, тяжелая, сладкая, страшная, заманчивая, невыносимая. Кто-то из великих писателей обронил: «Все женщины неизлечимо больны одиночеством». Вот он, по-видимому, в женщинах разбирался прекрасно, если смог так определить трагедию почти всех женщин. Все больны, просто большинство этого не понимает.

Дети? Конечно, волчица не может быть одинокой, при ней каждый год – новорожденные волчата, о которых она должна заботиться. Но волчицы не доживают до тех лет, когда волчата перестают появляться на свет, а те, кого она выкормила и воспитала, уже давно живут своей стаей и забыли о той, которая дала им жизнь. Вот и вся разница: женщины доживают до этого времени и переживают его, волчицы – нет.

И песню эту дурацкую – «Одинокая волчица» – мог придумать только мужчина, ничего женского там нет. По его представлению, женщина только играет эту роль до тех пор, пока не появится кто-то с «горячим сердцем» и не растопит ее лед. У волчицы нормальное сердце, только затронуть его практически невозможно, оно живет по своим, волчьим законам.

Что же, нужно просто выбирать между волчьим и человеческим. Если смириться со своим одиночеством, принять его как нечто неизбежное, то жизнь может оказаться не такой уж бестолковой штукой, какой представляется. А если опуститься до человеческого, заглушить в себе звериное чутье опасности, непреодолимую тягу к свободе и прекрас-

ную жестокость, то любое страдание будет лишь частью расплаты за совершенную глупость.

Ее сравнивают с тигрицей или пантерой, иногда называют котенком, часто считают привередливой и взбалмошной кошкой, которая так и норовит сбежать и погулять сама по себе. Впрочем, в любой женщине есть что-то от кошки.

Но на самом деле она – волчица, бесконечно одинокая волчица, завидовать которой глупо, а подражать – опасно. Того пути, который прошла она, никому не пожелаешь, даже врагу злейшему. Но она прошла, она за все заплатила сполна и теперь может все, что ей захочется...

Грустный парадокс заключался в том, что чаще всего ей вообще ничего не хотелось. И никого не хотелось ни видеть, ни слышать, ни впускать в свою жизнь.

Даже жить, в общем-то, не хотелось...

Глава первая. Сегодняшний день – это завтрашняя история

Накануне я легла спать довольно поздно: Андрей уехал от меня в одиннадцатом часу вечера, и пока я переделала все скопившиеся за выходные дни неотложные дела по дому, время перевалило за полночь. Легла – и очень долго не могла уснуть, потому что мысли, как фигурки на детской карусели, вертелись по кругу, и не могу сказать, чтобы у этого круга был очень большой диаметр. Собственно все вертелось вокруг того, что произошло с нашими отношениями за минувший год с небольшим.

Булгаков предупреждал: «Никогда не разговаривайте с незнакомцами». Я добавлю постулат куда более банальный, но тоже по-житейски разумный: «Никогда не связывайтесь с женатым мужчиной». Если, конечно, вы не законченная мазохистка и удовольствие можете получить только при условии неудобств и мучений, причем не столько физических, сколько моральных. Но если вы относительно нормальная женщина...

Правда, когда мы познакомились, матримониальный статус Андрея для меня ровно ничего не значил и я этим статусом просто не интересовалась. Сама же я овдовела за год до этого, причем и смерть мужа, и последовавшие за нею события тянули если не на трагедию, то на полноценную драму. Так что мне было элементарно не до романов, а знакомство – оно знакомство и есть, тут совершенно неважно, женат человек или свободен, как птица.

Правда, когда стало ясно, что отношения развиваются во вполне определенную сторону, когда Андрей ежедневно стал присылать мне длинные письма по электронке и выкраивал хотя бы несколько часов в неделю, чтобы пообщаться лично, ситуация прояснилась. Официально он был женат, а не официально...

«Видите ли, Светочка, я женат уже почти двадцать лет, но последние лет пять мои отношения с супругой ограничиваются рамками фиолетового штампа в паспорте, да фактом проживания в одной квартире. Я уже довольно давно думаю о том, что нужно коренным образом менять ситуацию, снять комнату и подать заявление о разводе, но... Но мы можем неделями не обмениваться ни единым словом, я давно уже сам себе готовлю, покупаю продукты и стираю, жену абсолютно не интересует ни моя работа, ни я, как человек. Но как только я пытаюсь начать разговор о разводе, начинаются такие сцены и скандалы, что я замолкаю и ухожу, иногда даже из дома. Можно подумать, что мы живем, захлебываясь счастьем и сексом, и вдруг я встаю и говорю: „Ну все, я пошел“. Конечно, я рано или поздно сделаю нужный шаг, но пока мне ее жалко. Столько лет вместе...»

При первой же встрече после получения этого письма я спросила у Андрея: а почему он вообще женился именно на этой женщине, если, судя по его откровениям, у них и с самого-то начала все было не очень ладно? Более того, он знал, что девушка выходит замуж за него только затем, чтобы отомстить бросившему ее поклоннику. Это что – акт гуманитарной помощи?

– Не знаю, – помолчав какое-то время ответил Андрей. – Мне как-то Павел задал этот вопрос, мы же с ним очень близкие друзья, еще со школы. Единственное, что я мог ему ответить: стояла машина с открытыми дверцами и ключами в замке зажигания. Садись и поезжай. Я и сел...

Я тоже села – в переносном смысле этого слова, потому что разговор происходил во время прогулки по парку и до ближайшей скамейки было далеко. Конечно, я знала, что браки заключают по самым разным причинам, но о такой слышала впервые. Много позже я поняла, что это было просто особенностью характера Андрея: плыть по течению, коль скоро он в него угодил. Но вот изменить направление движения или выбрать другое течение его было практически невозможно заставить. Пассивное упрямство или упоение ролью жертвы? Не знаю до сих пор.

Не могу сказать, чтобы я влюбилась, скорее сработала старая, добрая «ловушка одиночества». После того, как Андрей и Павел помогли мне выбраться из крайне неприятной ситуации, я, естественно, испытывала к Андрею чувство благодарности. Но, кроме того, в ходе избавления из ситуации, я потеряла двух самых близких друзей, Марину и Володю, мужа и жену. Мой единственный сын и наследник учился за границей, а последняя близкая подруга Галина была слишком занята работой, чтобы мы могли часто общаться.

Так что неторопливые ухаживания Андрея, его письма, его звонки и наши встречи-прогулки оставались на тот момент единственной панацеей от одиночества. И то, что в конце концов мы стали любовниками, было более чем закономерно: я сдалась после магической фразы-пароля «Я люблю тебя», произнесенной как-то не слишком поздним осенним вечером, когда непогода вынудила нас остаться у меня дома.

Полгода мы встречались время от времени, когда у Андрея выпадали свободные часы. Он не оставался у меня ночевать, я практически не могла позвонить ему по собственной инициативе, хотя все номера телефонов – и домашний, и служебный, и мобильный у меня были. Но помимо этого у меня еще был дурной характер: я считала, что звонить самой – это, во-первых, навязываться, а во-вторых, я могу тем самым поставить человека в неловкое положение. Формально он был женат или по-настоящему, но он не был свободен. И я все чаще крутилась вечерами без сна, размышляя о том, что же произошло с нами за отчетный, так сказать, период.

Если быть предельно честной, то ответ был элементарный: ничего. Ничего, кроме того, что я попала в категорию женщин, которая называется «у нее кто-то есть». Ситуация, которая определяется очень меткой старинной поговоркой: «на кота широко, на собаку узко». Моя знакомая гадалка Алина, с которой мы время от времени довольно долго и откровенно болтаем по телефону, вообще относил такие отношения в совершенно иную категорию, нежели отношения любовника и любовницы. Любовник – это тот, кто выводит даму в свет, дарит подарки и всячески спонсирует. А если приходит иногда в гости на несколько часов, причем иногда с пустыми руками, то таких Алина определяла коротким и емким словом, приводить которое не буду из цензурных соображений.

Забавно, но начало наших отношений никаким боком не походило на начало романа. Мы познакомились вроде бы случайно, в заведении «для избранных» под названием «Клуб любителей детектива». То есть избранность определялось исключительно любовью к данному жанру, а еще тем, что клуб был не слишком многим известен за пределами столицы. Случайность же, как известно, родная сестра закономерности: мы не могли не познакомиться, ибо Андрей искал этого знакомства. Точнее, должен был со мной познакомиться и стать вхожим в дом. По долгу службы.

А служил мой нынешний, как сейчас модно говорить, бой-френд, всего-навсего в органах государственной безопасности. И я ему была нужна исключительно в качестве средства приближения к подозреваемому в измене Родине человеку. По совместительству этот человек, Володя, был одним из моих близких друзей, равно как и его жена Марина.

Знакомство состоялось, но практически в тот же вечер стало ясно, что меня нужно не столько использовать как помощника (пусть и втемную), сколько обеспечивать уже мою личную безопасность. Поскольку Володя за короткий промежуток времени успел отправить на тот свет трех человек, включая двух своих жен – бывшую и нынешнюю, а также соучастника в шпионской деятельности. Я же волей случая оказалась обладательницей компрометирующей его информации, да еще жертвой квартирных махинаций его соучастника, который в случае разоблачения автоматически тянул за собой и партнера по шпионскому бизнесу. Фактически я была обречена, но...

Должна сказать, что наши органы оказались на высоте: меня спасли, хотя и в последний момент. Володя избежал тюрьмы и суда только потому, что совершил побег, но побег довольно неудачный: разбился на угнанной им машине, не успев добраться до спасительного аэропорта

Шереметьево. Так что с одной стороны, все кончилось хорошо, и не просто хорошо, а даже очень: мой единственный сын стал богатым наследником, ибо все, что успел скопить к этому времени Володя, по завещанию отходило к нему. С другой стороны, гибель человека – это всегда гибель человека, кем бы он ни был, а Володя был для меня не просто близким другом... Но это все уже в далеком прошлом.

Конечно, не обошлось без помощи Андрея и его друга и начальника Павла, которые как-то замяли всю эту историю и не допустили конфискации имущества. Разумеется, в какой-то степени это было противозаконно, но... Речь шла о благополучии моего ребенка, поэтому я, разумеется, приняла все с благодарностью, не испытывая абсолютно никаких угрызений совести. Государство у нас и так богатое. Тому, кто на моем месте поступил бы иначе, разрешаю бросить в меня булыжник поувесистее.

Альке, моему сыну, досталась однокомнатная квартира Володи и шикарный загородный дом. Ни то, ни другое ему особенно не было нужно: он учился в английском университете, там у него были блестящие перспективы и возвращаться на Родину он в обозримом будущем не собирался, благо унаследовал еще и очень неплохой счет в швейцарском банке. Володя всегда был очень трудолюбив, всегда много зарабатывал и очень удачно размещал свои доходы.

Своих детей у них с Мариной не было, а к моему сыну он относился с большой теплотой и даже нежностью. Возможно, потому, что я любила Володю со студенческих лет, потому, что он был моим первым мужчиной и потому, что Алька по необъяснимым генетическим причудам был во многом похож не на своего фактического отца, а на Володю. Не физически, а какими-то неуловимыми чертами характера и повадками.

Например, он почти мгновенно обменял доставшуюся ему в наследство однокомнатную квартиру на какую-то «студию» в пригороде Лондона, и меня поставил в известность уже постфактум. Сначала я слегка обиделась, а потом подумала, что это в высшей степени глупо – обижаться на то, что у собственного сына имеется деловая сметка, напроочь отсутствующая у его родителей.

Так элегантно повернуть такое дело, как международный обмен, мог только Володя, царствие ему небесное. Занятно, но мне порой его отчаянно не хватало, возможно, я даже продолжала его любить. Человека, который едва не отправил меня на тот свет... Правильно сказал Лермонтов: «Странная вещь – сердце человеческое вообще и женское – в особенности».

Загородным домом мы с Алькой распорядились просто: сдали в аренду. Точнее, распорядился Алька, а я была только исполнителем, но зато получила за это очень неплохое долгосрочное обеспечение. Три тысячи долларов в месяц, тридцать шесть тысяч долларов в год: я могла перестать надрываться на сдельной работе переводчика детективов и стать уважаемым штатным редактором в том же издательстве. Два присутственных дня в неделю, двести пятьдесят долларов в месяц, норма редактирования просто смешная – четыре книги в год.

Было только одно «но»: арендовал у нас дом Павел, который давно мечтал поселиться за городом. А единственным условием, которое поставил Алька было то, что сторожем при этом доме должен быть только его собственный отец, на тот момент безработный. При доме была сторожка: коттедж из комнаты с верандой, но со всеми удобствами.

С одной стороны, мне было глубоко наплевать, где будет жить и кем работать мой бывший супруг. Но поскольку Андрей достаточно регулярно навещал своего друга, и почти всегда брал меня с собой, я оказалась вынужденной минимум раз в неделю сталкиваться с Иваном, чего мне вовсе не хотелось. Но Алька любил своего отца и мне пришлось спрятать свои эмоции подальше и смириться со сложившейся ситуацией. Хотя она со всех сторон была несколько странной.

Павел заключил со мной не просто договор об аренде: он заключил какое-то замысловатое соглашение о покупке этого дома в рассрочку на... двадцать пять лет. Именно за это время он по всем подсчетам выплачивал те деньги, в которые оценили эту избушку на гек-

тарном участке в элитном коттеджном поселке в ближнем Подмоскowie. По-моему, все это хозяйство стоило дороже, но моего мнения на этот счет никто не спрашивал, наоборот, всячески подчеркивали, чтобы я финансовую сторону вопроса ни с кем и ни при каких условиях не обсуждала.

А обсудить, ей-богу, было что. Например, то, что сто тысяч Павел заплатил сразу – перевел на счет Альки за границей, а остальные деньги собирался выплачивать ежемесячно мне. Откуда у полковника ФСБ такие деньги, я лично не понимала, а объяснять мне, судя по всему, никто ничего не собирался. Более того, Андрей строго предупредил меня, чтобы я никому об этом не рассказывала, что дом считается по-прежнему моим, согласно доверенности, а остальное меня не должно волновать.

Конечно, я могла строить определенные догадки, но предпочитала этого не делать. Впрочем, я бы удивилась, если бы все было как у людей: обычные арендаторы или обычные покупатели. Меня же вечно преследуют какие-то самые невероятные стечения обстоятельств, которые чрезвычайно редко обходятся без неприятных последствий.

Мало того, что я была то ли хозяйкой, то ли никем, мало того, что периодически я сталкивалась с бывшим мужем, который был явно не прочь снова стать мужем настоящим, так еще Павел привез и поселил в доме свою жену, о которой я до того времени только слышала, но никогда не видела. Елена – так звали жену Павла – оказалась высокой, сухопарой женщиной, прикованной к инвалидной коляске, у которой, несмотря на это, периоды абсолютной самоизоляции чередовались с приступами невероятной общительности. На это меня тоже попросили не обращать внимания: в каждой избушке свои игрушки, у каждого барона – свои фантазии. А уж женским причудам вообще можно только поражаться.

В общем, при довольно частых загородных поездках моей основной задачей стало быть как можно менее заметной. Так что я либо ходила на длительные прогулки по окрестностям, либо сидела в комнате, отведенной нам с Андреем, и писала на портативном компьютере, сохранившемся еще со времен Марины и Володи. Именно в этой комнате я провела два самых спокойных и беспечных месяца в моей жизни. Звучит, конечно, дико, но это были первые два месяца после смерти моего мужа Валерия. Одна я просто погибла бы, не возмись тогда мои друзья опекать меня, а заодно и приехавшего на каникулы моего сына.

Первоначально это было безумно тяжело: ездить туда, где когда-то была счастлива, где жили мои друзья и их милейшие, гостеприимные родители, и каждый раз обнаруживать какие-то перемены, причем далеко не всегда к лучшему. Например, в комнату Марины, равно как и в комнату, где размещались ее родители, я доступа не имела: там теперь были владения Елены. Для нее же рядом с прежними лестницами были устроены пологие пандусы, изрядно изуродовавшие и внутренний, и внешний облик дома. С моей, разумеется, точки зрения. Но кто меня спрашивал? Хозяйкой-то я лишь числилась. И то не в глазах моего бывшего супруга, который, как выяснилось, имел на этот счет свое мнение.

– Теперь ты решила податься в содержанки? – спросил он меня при первой нашей встрече на садовой дорожке. – И как нынче эта должность оплачивается, прилично?

Я pokrутила пальцем у виска: дискутировать с Иваном на темы морали и нравственности было не только бесполезно, но и вредно для нервной системы собеседника. Правда, для себя он обычно делал исключения, но по отношению ко всем остальным, в особенности – к представительницам слабого пола, строг был в этих вопросах до чрезвычайности. Но моя жестикуляция не оказала никакого действия.

– Ты бы хоть сюда постыдилась со своим хахалем приезжать, – продолжал Иван, надежно заблокировав мне дорогу.

– Перед кем? – нежнейшим голосом осведомилась я. – По-моему, я уже давно совершеннолетняя, к тому же – свободная женщина.

– Да хотя бы перед собой! – не растерялся мой собеседник. – Только-только овдовела, траур, можно сказать, еще не кончился...

– Сказать можно все, что угодно, – прервала я его, потихоньку начиная закипать, – но ты здесь вообще никто. И не то положение занимаешь, чтобы делать мне замечания. Скажу хозяину, что ты меня оскорбляешь, вылетишь отсюда на счет три.

– Альке напишу, – незамедлительно отпарировал Иван. – Сообщу, что ты из мести лишила меня куска хлеба.

Это был, конечно, мастерский ход: меньше всего мне хотелось, чтобы мой сын знал о том, что его уже давно разведенные родители продолжают некрасивые разборки. Конечно, он умница, поймет, что на самом деле происходит. Но – зачем? У него своя жизнь, она ему нравится, и портить ее я не собиралась. Непонятно было только, какая муха укусила моего экс-супруга в этот раз, но выяснять это мне тоже было скучно и неинтересно.

– Давай так, – миролюбиво предложила я, – ты меня в упор не видишь, я тебя ненавязчиво не замечаю. Уймись, солнце мое, оставь меня в покое. Найди себе здесь знакомых, подругу заведи, наконец. У тебя же собственный дом, принимай, кого угодно, только потихоньку.

– Вот-вот, – горько сказал Иван, закуривая сигарету. – Я должен ночью, как вор, так и быть пытаться наладить личную жизнь, а некоторые в открытую с любовниками в авто раскатывают. Одним все, другим ничего. Одним трехкомнатная квартира в центре, другому – соломенная сторожка.

– У тебя есть трехкомнатная квартира в пятнадцати минутах езды отсюда, – напомнила я. – Электрички ходят регулярно, от Калинина до Расторгуево один перегон, а там пешком можно дойти.

– Квартиру я вынужден сдавать, – огрызнулся Иван. – Неужели ты думаешь, что я могу прожить на зарплату сторожа? На паршивые сто баксов в месяц? Меня, в отличие от некоторых, никто не спонсирует.

Вот кол, вот мочало, начинай сначала. Опять упреки в моей нравственной неполноценности. От чего оттолкнулись, к тому и вернулись.

– Найди нормальную работу, – сказала я, потихоньку отступая в сторону дома. – Ты же инженер-электронщик, сейчас твоя профессия самая востребованная.

– Спасибо за совет, – картинно раскланялся Иван. – Что бы я без тебя делал?

– Не за что, – устало ответила я. – Извини, я вышла погулять и хотела бы побыть одна. А свои проблемы ты, безусловно, решишь сам.

Я сделала несколько шагов в сторону калитки и вдруг услышала за собой совсем другой голос Ивана. Тихий, прерывающийся и почти умоляющий:

– Подожди. Я хотел с тобой поговорить совсем о другом. Давно хотел... Именно тогда, когда ты будешь одна.

– О чем? – изумилась я, невольно переходя на шепот.

– О том, что здесь происходит. Что-то странное вокруг творится. Странные люди, странные поступки. И эта... мумия.

– Какая мумия?

Но Иван внезапно замолчал, приложил палец к губам и сделал несколько быстрых шагов назад. А потом повернулся и ушел, оставив меня в абсолютном недоумении. Краем глаза я заметила какую-то фигуру, мелькнувшую возле беседки в псевдо-китайском стиле, но кто это был и почему Иван так испугался, осталось непонятным.

Я добросовестно обошла весь участок, благо дорожки, вымощенные камнем, были проложены по всему его гектарному пространству. Ничего особенно интересного не обнаружила, разве что нашла калитку, о существовании которой даже не подозревала. Нехитрые топографические выкладки показали, что дорожка к этой калитке вела к задней стене дома, точнее, к той части веранды, где в свое время любил сидеть вечерами Володя в полном одиночестве.

Оттуда можно было подняться наверх, непосредственно к дверям его кабинета, стеклянная дверь которого выходила на опоясывающий дом балкон. Странно, что раньше я этого не замечала. Правда, на прогулки я обычно выходила через главный вход, а в эту часть участка практически не заходила.

Я подергала калитку: она была заперта, хотя никакой замочной скважины не наблюдалось. Уже интересно. Может быть, она просто заколочена? Скорее всего, так и было. Я повернулась, чтобы вернуться к дому, на секунду потеряла равновесие и оступилась. Нога попала на скрытый в траве камень, который мягко спружинил и... калитка открылась.

За ней оказалась еле заметная тропинка, уводившая куда-то на зады поселка. Очень интересно, нужно будет посмотреть, что это за маршрут. Все какое-то развлечение, пока остальные играют в преферанс – занятие, которое я не переносила совершенно. Впрочем, если быть предельно честной, я просто никогда не могла постичь даже азы этой игры, хотя меня неоднократно пытались к ней приобщить. Так что минимум полтора часа мне были обеспечены.

Но на сей раз удача явно была не на моей стороне. Я сделала буквально сотню шагов и увидела, что кто-то из жителей поселка выгуливает в подлеске двух собак. Впрочем, собаками этих чудовищ можно было назвать только условно: ростом обе они были с хорошего теленка, но покрытые густой грязно-серой шерстью. Я вообще побаиваюсь собак, а уж таких...

Так что пришлось бесшумно и бесславно отступать на свою безопасную территорию и ограничиться традиционной прогулкой до огромного даже по здешним меркам особняка какого-то магната. Этому деятелю было мало ограды по периметру поселка, он оградил свои владения, стоящие примерно в полукилометре от соседей, каменным забором высотой в два человеческих роста, да еще сверху пустил веселенькие виньетки колючей проволоки. Не исключено – под соответствующим напряжением. Сам дом разглядеть было проблематично, только если отойти на приличное расстояние можно было увидеть балкон верхнего этажа. Похоже, третьего или четвертого. Во всяком случае, именно такое впечатление складывалось у случайного наблюдателя вроде меня.

Но сегодня явно был не мой день. Когда я уже возвращалась к себе, меня вдруг охватило ощущение того, что за мной наблюдают, причем я бы не сказала, что наблюдают доброжелательно. Это ощущение злобного взгляда, направленного мне в спину, было настолько ощутимым, что я невольно обернулась. Никого. Только на балконе особняка виднелась то ли сидящая фигура, то ли пышное декоративное растение, то ли огромная ваза. Во всяком случае, это «что-то» было совершенно неподвижным, но неприятное ощущение не проходило, наоборот, усилилось. Я вспомнила тревожный шепот Ивана – и настроение испортилось окончательно.

В общем, поездки за город на уик-энды особого удовольствия мне не доставляли и ездила я туда исключительно потому, что другой возможности побывать подольше рядом с Андреем практически не было. Как-то само собой сложилось, что с наступлением первых мартовских оттепелей мы стали ездить туда каждую неделю. Андрей, понятное дело, отдыхал от своей «семейной идиллии», а я... Ну, про это уже было.

Добавлю только, что все эти заморочки и неприятные ощущения почти полностью компенсировались тем временем, когда мы наконец оставались наедине, укладывались спать и я чувствовала щекой теплое и крепкое плечо Андрея. Это были ночи, когда я спала без кошмаров, без сердцебиения и прочих малоприятных симптомов, ночи, когда вместо колыбельной или сказки мне говорили о том, как нам будет хорошо вдвоем, когда все трудности с разводом будут позади. Когда мы поженимся. Не то, чтобы я так уж рвалась замуж, но на данный конкретный период времени Андрей был единственным мужчиной, которому я не сказала «нет» в ответ на предложение руки и сердца. Кроме того, отношения наши все-таки приобрели некоторую определенность и съехали с «мертвой точки».

Но были в моей жизни и другие приятные события. Мать Марины, моей покойной близкой подруги, похоронив мужа, переехала к своей двоюродной сестре в Израиль. Свою боль-

шую квартиру на Ордынке она подарила мне, то есть Алька просто перевел на ее счет в Израиле определенную сумму денег, а в Москве мы оформили дарственную. Почему-то так было всем удобнее и проще, в том числе, и с юридической точки зрения.

И тут бесценную помощь мне оказал Андрей, точнее, его дружба с Павлом, для которого, по-моему, не было ничего невозможного. Во всяком случае все формальности были улажены недели за три – рекорд для столичных чиновников. И он же нашел покупателя на мою однокомнатную квартиру в спальном районе: денег, полученных за нее, вполне могло хватить на отличный ремонт порядком запущенной квартиры.

Частично моя сегодняшняя бессонница объяснялась еще и тем, что я впервые ночевала на новом месте. Как типичный представитель племени Тельцов, я первым делом оформила себе спальню, порешив, что все остальное можно сделать потом и не торопясь. И вот теперь крутилась на любовно выбранном белом лакированном ложе с каким-то суперудобным матрасом и специальными подушками, невольно прислушиваясь к тому, что за окном происходит обычная ночная жизнь Москвы. Возможно, бессонница одолела меня еще и из-за этого: два года, прожитые в спальном районе, приучили меня к тому, что ночью на улице абсолютно тихо.

Плюс, конечно, сегодняшний разговор с Андреем, внесший не только некоторое разнообразие в наши отношения, но и определенную сумятицу в мою душу. Оказывается, накануне он сделал-таки первый шаг к свободе: снял комнату в трехкомнатной квартире. На окраине, но возле метро, так что в случае нечаянной поломки его авто проблем не должно быть.

Сказать по правде, меня это озадачило. Да, Андрей уже месяца три искал недорогую квартиру или комнату в двухкомнатной квартире без хозяев, то есть с одной запертой комнатой. Но то, что предлагали агентства по найму, было просто ужасно: безумно далеко от метро, грязно, непомерно дорого. Или с хозяевами, точнее, хозяйками, которые все, похоже, были на одно лицо: старые, запущенные, и прилично пьющие. И тут – пожалуйста, комната в трехкомнатной квартире, где помимо хозяйки было еще двое детей и, кажется, еще один постоялец. Стоило так долго искать!

С другой стороны, это был, конечно, сугубо временный вариант, ведь с чего-то нужно было начинать новую жизнь. Почему бы не с этого?

– Помочь тебе с переездом? – спросила я. – В смысле, убрать в комнате, посмотреть, чего там не хватает.

– Не стоит, – покачал головой Андрей. – Я сказал хозяйке, что разведен, она удивится, если тут же появится женщина. Еще и от комнаты откажет.

Доля смысла в его словах определенно была, но не более того. Впрочем, навязываться я не собиралась, у меня и своих забот хватало, в том числе, и с этой моей теперешней квартирой. Только попросила номер телефона, облегченно при этом вздохнув: теперь можно будет спокойно позвонить и поговорить хотя бы вечерами.

– Я сам буду тебе звонить, – ответил Андрей. – К тому же существует мобильный телефон, если тебе понадобится что-то срочно мне сообщить.

Тоже странно: если он вроде бы собирается на мне жениться, то почему такие загадки и запреты вокруг обыкновенного номера телефона? Он достаточно давно знал меня, чтобы понимать: названивать с утра до вечера я не буду и без приглашения не появлюсь. Тем не менее, ни адреса, ни телефона его нового места проживания я так и не получила.

Вскоре после этого он уехал – все еще на прежнюю квартиру, то есть туда, где проживал с женой. Этого я тоже не поняла: на следующий день, то есть фактически уже сегодня, мы собирались поехать к Павлу и провести там уик-энд. Не с утра, конечно, а после того, как Андрей переделает кое-какие свои дела по работе, но почему при этом нужно было ночевать не у меня, а где-то еще, оставалось непонятным. Вообще непонятного было, с моей точки зрения, слишком много. А может быть, ему надоело беседовать со мной о моих творческих проблемах?

Надо сказать, что, когда какое-то время назад я, помимо переводов, занялась изготовлением собственных произведений, то фантазию сильно не напрягала. Просто описывала то, что происходило со мной и моими друзьями. Как ни странно, если меня и критиковали, то за излишне бурное воображение, что было, как минимум, несправедливо. Зато я четко уяснила для себя одну-единственную нехитрую истину: когда за выведение слов на бумаге платят деньги, то это занятие приобретает оттенок осмысленности. Любой труд, в том числе, и графомания, должен быть оплачен. Рыночные отношения диктуют свои суровые законы.

Андрею, правда, приходилось выступать в роли консультанта, а это ему по ряду причин не слишком нравилось. Но перспектива заработать приличные деньги вдохновляла, кажется, не только меня. По-моему, Андрей считал, что чем больше я буду зарабатывать, тем меньше денег лично ему придется тратить на какие-то мои потребности: сама их себе обеспечу. Хотя я не просила и даже не намекала на какие-то презенты, а время от времени Андрей вдруг сам что-то мне покупал, щедрость в число его достоинств все-таки не входила. Правда, и на мои деньги он не покушался, что сейчас случается сплошь и рядом: состоятельная дама и при ней не слишком состоятельный кавалер. Дело, как говорится, житейское.

Мы оба просчитались с моими предполагаемыми доходами. Я, мечтая о грядущих поступлениях денежных средств, руководствовалась исключительно опытом наших маститых детективщиков, которые нет-нет да и проговариваются на страницах своих «нетленок» о расценках, принятых в издательском мире. Получалось, что за книжку вполне реально получить десять тысяч долларов.

Девушка я скромная, потому сумму будущих доходов предусмотрительно уменьшила вдвое. Я не Маринина и, уж конечно, не Пронин, за имя мне платить никто не будет. Но все равно получалась кругленькая сумма и я, воодушевленная перспективой, отнесла рукопись в очень уважаемое издательство и предалась сладким мечтам, периодически посвящая в них Андрея.

Издательство повесть приняло. Мое ликование несколько омрачилось тем, что гонорар за бессмертное произведение оказался в десять раз ниже, чем мечтавший. Все равно пятьсот обещанных долларов на улице не валяются, и я уже прикидывала, как лучше ими распорядиться, начисто забыв, что дураков в бизнесе не держат.

В общем, пятьсот долларов мне заплатили но в рублевом эквиваленте по курсу на начало лета, мотивируя это тем, что рукопись была сдана именно тогда. Мои пять сотен баксов реально превратились в триста. Лучше, чем ничего, конечно, но... как-то мало для оригинального творчества.

– По-моему, тебя обдурили, – авторитетно заявил мне тогда Андрей. – Что за дурные расценки? Ты же писала почти полгода...

Определенные подозрения в этом плане были и у меня, но «качать права» и искать на свою голову приключений мне хотелось меньше всего. Поэтому я утешила себя банальной мыслью о том, что «первый блин – комом», и вторую повесть отнесла уже в другое издательство, где долго сокрушались о бандитских повадках коллег-конкурентов, клятвенно пообещали меня, как минимум, озолотить путем выплаты не разового гонорара, а «потиражных», и крайне оперативно повесть напечатали.

Вы будете смеяться, но история с Буратино на «Поле Чудес» повторилась! Когда через полгода после выхода повести я робко осведомилась о деньгах, мне долго морочили голову какими-то неполадками в электронной счетной системе, отсутствием на месте главного начальника и прочими суперуважительными причинами. Наконец, Андрею надоели мои хождения по мукам, он взял инициативу в свои руки и буквально на следующий день после одного-единственного своего телефонного звонка повез меня в издательство за вождленным гонораром. И мне выплатили... в общем, те же триста долларов в отечественном эквиваленте.

Смешнее всего было то, что по документам все сходилось копейка в копейку, и по тем же документам издательство представлялось абсолютно убыточным предприятием. То есть заниматься этим по идее мог только законченный альтруист, не знающий, куда девать огромное бабушкино наследство. Директор издательства округлял честные голубые глаза и клялся, что моя повесть не расходуется, хоть тресни, и деньги он мне выплачивает исключительно по доброте душевной. Типа: мог бы и вообще не платить. Хороший человек попался, повезло мне.

Третью повесть я отнесла, естественно, в третье издательство и теперь с большим интересом ожидала результатов. Но поскольку я – трудоголик по определению, плюс графоманка, что вообще неизлечимо, творческий процесс продолжался. Продолжались и мои обсуждения их с Андреем, так что вполне возможно ему изрядно надоели. Он-то предпочитал свои служебные дела со мной не обсуждать. Впрочем, вряд ли смог бы: не та у него служба. Кое о чем я могла только догадываться, но – не более того.

До перестройки сотрудникам КГБ (девичья кличка нынешнего ФСБ) разговоры об их работе с кем-то посторонним могли стоять головы в прямом смысле этого слова. После перестройки и в связи с переходом страны к рыночному хозяйству утечка информации стала настолько мощной и постоянной, что о специфике работы «компетентных органов» узнали, кажется, абсолютно все. Но сотрудники по инерции продолжали хранить служебную тайну и машинально делать загадочное лицо. Только не потому, что сохранились какие-то загадки, а потому, что сору в их избе становилось все больше, а выносить его порядочным людям хотелось все меньше. Проще было просто уйти самим, что многие и делали.

«Паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат», – эта поговорка, несмотря на то, что отношения наши с Украиной последнее время оставляют желать лучшего, не потеряла актуальности и по сей день. Сколько реформ перенесла так называемая Контора за последние десять лет – уму непостижимо. И в каждую вбухивали такое количество денег, что просто подумать страшно. И хоть бы что улучшилось. Нет – только ухудшается.

Когда в приснопамятном 1991 году разгоняли испытанный, проверенный коллектив, основным «обвинением» было такое: «вы служили партаппарату». А кто ему до этого года не служил? И для кого было секретом, что без партийного билета в нагрудном кармане никакой карьеры нигде сделать невозможно. Даже в искусстве, хотя сейчас многие утверждают, что с пеленок были антисоветчиками, просто боялись за судьбу семьи. Такие вот боязливые.

Менее выдержанные сотрудники плюнули, хлопнули дверью и ушли в частные организации, то есть на самом деле здорово укрепили криминальную среду. Но наиболее выдержанные все-таки остались, хотя до боли родное государство установило им такие оклады, что оставалось либо брать взятки, либо... правильно, тоже уходить в частные структуры. Так в полукриминал ушла вторая волна высокопрофессиональных работников. Оставались уже только либо фанаты, либо те, кто вообще никому не был нужен.

Возможно, действительно, все дело было в моих бесконечных разговорах о своем творчестве: это кому угодно надоест. Сегодня, например, незадолго до ухода, Андрей подпустил вполне ощутимую шпильку в мой адрес, когда я сказала, что, конечно, не считаю себя Агатой Кристи, но пишу не хуже наших «раскрученных» авторесс.

– Конечно, ты не Агата Кристи, малыш, – с готовностью подтвердил Андрей. – У меня ты всегда ассоциировалась с Ариадной Оливер.

Информация для тех, кто не знает или забыл: миссис Оливер – это второстепенный персонаж нескольких романов Агаты Кристи, писательница, автор детективов. Отличительные черты: крайняя рассеянность, способность совершенно отключаться от реальной действительности и с головой уходить в жизнь своих вымышленных персонажей. А главное – стремление вслух, в любом обществе или в одиночестве обсуждать развитие событий собственных произведений. Например, так:

«– Почему? – вопрошала миссис Оливер, ни к кому не обращаясь. – Почему этот идиот не сказал сразу, что видел какаду? Почему? Но если он скажет – погиб весь сюжет. Как же выкрутиться?»

– Я тебя тоже очень люблю, – сухо сказала я в ответ и разговор о своих творческих проблемах прекратила.

Конечно, я обиделась, хотя бы потому, что сходство было вопиющим. Когда я попыталась изложить свои приключения в виде детектива, то примерно так себя и вела. Например, задавала всем окружающим идиотский вопрос, как можно заставить женщину открыть входную дверь, если она – не дверь, разумеется, а женщина, – совершенно точно знает, что данный тип пришел ее убивать. Впрочем, обидеть художника может каждый, не мною подмечено. А талантливым людям нужно прощать мелкие слабости.

В общем, я запуталась в личных, производственных и жизненных проблемах до того основательно, что пришлось встать, пойти на кухню и налить себе чашку кофе. За окном уже занимался рассвет, пытаться заснуть было практически бессмысленно. Я закурила и устремила взгляд в окно, поверх крыш соседних зданий.

Совсем рядом поблескивала лента Москвы-реки, за ней во всем своем великолепии высился храм Христа Спасителя на фоне высоких домов Арбата, как старого, так и нового. Два года назад я смотрела на этот пейзаж с противоположного берега реки, но судьбе было угодно из той квартиры меня убрать. Точнее, отобрать ту квартиру и поселить на окраине города. Теперь та же судьба вернула меня практически на то же место, только с другой стороны реки. Той же самой, между прочим, в которую, если верить мудрым людям, нельзя войти дважды.

Оказывается, действительно нельзя. Даже если заходить с другой стороны той же самой реки, она все равно будет другою. Так что нужно принимать жизнь такой, какая она есть, не делать лишних телодвижений и не искушать судьбу. Сейчас, например, нужно пойти и немного полежать, просто полежать, ни о чем не думая, набираясь сил для предстоящего дня. А потом заняться текущими делами, а не самокопанием. Я вернулась в спальню, прилегла поверх одеяла и тут же уснула, как провалилась. Странно, однако, действует на меня философия даже в таком житейско-приземленном виде.

Глава вторая. Старый друг опасней новых двух

– Дикая чушь! – воскликнул он и с раздражением отбросил от себя книгу, за чтением которой он пытался уйти от одолевавших его назойливых, невеселых мыслей. И тут же задохнулся от приступа невероятной слабости: теперь любые эмоции были для него слишком большой роскошью.

На балконе роскошного загородного дома в кресле сидел старый человек. Все окружающие уважительно величали его Боссом, а за глаза окрестили Попугаем: за маленький рост, щуплое телосложение, крючковатый нос, больше похожий на клюв, и манеру держать голову немного набок. Только взгляд у этого Попугая был скорее орлиным – пронзительный и жесткий.

Глядя на этого респектабельного старика, трудно было представить, что большую часть своей бурной жизни этот человек возглавлял одну из крупных преступных группировок, был признанным авторитетом в бандитском мире и неоднократно отбывал срок, пока не понял, что в нынешних условиях совсем не обязательно грабить и убивать так, как он это делал раньше. Проще заняться легальным бизнесом и, используя свои старые связи, добывать деньги под вывеской крупной и уважаемой фирмы.

Пусть некоторые помнили, откуда он пришел в бизнес, а кое-кто из особо отчаянных даже пытался рассказать об этом общественности. Босс с самого начала избрал тактику презрительного молчания: никому не мстил, не угрожал – просто не замечал и лишь ронял иногда излюбленную фразу:

– Собаки лают – караван идет.

И его «караван» действительно шел, фирма процветала. Возможно, секрет успеха Босса заключался еще и в том, что он не лез в политику, не стремился к открытой власти и если соглашался давать деньги на избрание кого-то на высокий пост, то непременно отпускал столько же на поддержку соперника кандидата: кто-то обязательно выигрывал, а Босс получал обратно свои деньги с процентами, да еще и сохранял со всеми наилучшие отношения.

Через десять лет после создания фирмы Босс все еще был силен и уважаем, но один он знал, что это все – только роскошная декорация, за которой – пустота. Умри он завтра, его империя мгновенно развалится, ее растащат на куски, потому что преемника у него не было. А Босс сознавал, что жить ему осталось недолго: страшный диагноз, поставленный врачами полгода назад, не оставлял никаких надежд.

Босс прекрасно помнил тот разговор. После обследования в частной клинике, где клиентам обеспечивали абсолютную анонимность, он потребовал, чтобы лечащий врач сказал ему правду. Всю правду и только ему. Ни подчиненные, ни охрана, ни даже жена ничего не должны были знать.

– Сколько мне осталось? – спросил он в лоб после того, как оправился от неизбежного шока, вызванного жутким приговором.

Врач пожал плечами.

– Трудно сказать. Возможно, три года. А возможно и три месяца. Все зависит от того, как будет развиваться болезнь. Известны случаи и внезапной остановки роста опухоли, тогда больные жили лет пять-десять и умирали совсем от другого. Простите, я врач, а не провидец. Могу только сказать, что операция, к сожалению, уже бесполезна, время непоправимо упущено. Да и сердце у вас...

– Другими словами, я могу умереть...

– В любую минуту от любого напряжения. Чем больше будете беречься, тем дольше проживете. Я не буду нудить об алкоголе, сигаретах, женщинах – вам это не нужно говорить, вы сами все понимаете.

Да, он все понимал сам. И горько усмехался про себя при мысли о том, что впервые в жизни его миллионы оказались бессильны. Дураки говорят: «Были бы деньги, остальное купим». Жизнь купить можно только у других людей: заплатить выкуп и сохранить жизнь. Заключить такую сделку со смертью невозможно.

В любую минуту, от любого напряжения...

Если бы он был один, он бы не беспокоился. Черт с ней, с империей, на тот свет ее не захватишь. Ну, умрет он, так что с того? Люди постоянно умирают, кто раньше, кто позже, чем он отличается от других? Только тем, что пожил, можно сказать, всласть: все попробовал, почти от всего уже оскомины. Эликсира бессмертия пока не изобрели, так что все мы там будем. Так он рассуждал и тогда, когда самой серьезной болезнью для него была простуда, зато опасность умереть от пули или умело подложенной взрывчатки являлась неотъемлемой частью повседневной жизни. Рутиной, можно сказать. Потом он сумел повести свои дела так, что насильственная смерть ему уже не угрожала.

Теперь он горько усмехался: все предусмотрел, даже сверхнадежную «крышу» пристроил в непосредственной близости от своего особняка. В присутствии этого человека он мог вообще ничего не опасаться, мог заниматься, чем угодно, помимо своего легального бизнеса. И занимался, потому что деньги – это тот же наркотик, от которого невозможно отказаться без постоянной (иногда насильственной) помощи.

Многие сильно бы удивились, если бы узнали, куда на самом деле тянутся нити громких, но не раскрытых преступлений. Не раскрытых даже тогда, когда арестовывали всех исполнителей и даже как бы заказчиков. Просто мало кому известно, что если раньше были «зиц-председатели», то теперь появились «зиц-заказчики». Сколько это стоит – коммерческая тайна, но ведь дороже всего ценится свобода, не так ли?

Так что Босс предусмотрел все, и его империя функционировала, как безупречно отлаженный и смазанный (в прямом и переносном смысле слова) механизм. И мог спокойно ждать, когда наступит эта самая «любая минута», не напрягаясь, чтобы не ускорить ее приход. Но несколько лет назад сделал один опрометчивый шаг: женился. И тут же стал уязвим.

Хуже всего было то, что женился по любви на женщине много моложе него. Это был тот самый «бес в ребро», который сопровождает «седину в бороду». Иногда Босс проклинал тот час, когда познакомился с Ириной – зеленоглазой шатенкой, совершенство фигуры которой полностью компенсировалось невыносимо стервозным характером и истеричностью.

Проклинал, но разлюбить не мог и покорно сносил все капризы и выходки жены, вплоть до того, что один раз спас ее от неминуемой тюрьмы. Ирина оказалась причастной к гибели молодой женщины, своей подруги и... любовницы, Босс в последнюю минуту отправил жену в швейцарскую клинику и выложил кругленькую сумму за то, чтобы официально Ирина появилась там на неделю раньше фактического прибытия.

И вот теперь эта сумасбродка, которую с трудом вылечили в Швейцарии от наркомании, останется одна. Молодая, красивая, наследница огромного состояния – да она неминуемо погибнет без него! Людей сейчас убивают за суммы в тысячи раз меньше той, которая будет в распоряжении Ирины. В самом лучшем случае, ее разорят дотла.

Тогда уж лучше, чтобы убили: малышка привыкла к роскоши и уже не сможет жить на зарплату. Да и кто будет ей эту зарплату платить? За что? Она ничего не умеет делать, после школы какое-то время была «девочкой из эскорта», потом стала его женой. Но ей уже тридцать, ее даже в приличные секретарши не возьмут... если бы даже она и захотела работать.

После лечения Ирина поутихла, во всяком случае, уже не так донимала его своими эксцентричными выходками и скандалами. Кажется, даже хранила ему верность, но это хрупкое равновесие могло в любой момент рухнуть. А у него уже нет прежних сил, чтобы держать хоть в какой-то узде эту норовистую лошадку. Внешне, правда, все осталось по-прежнему: на подчиненных Босс нагонял холодный ужас, подчинялись ему беспрекословно. Но жена его нико-

гда по-настоящему не боялась, вытворяла, что в голову взбредет. Купить-то он ее в свое время купил, но быстро убедился, что поселил в своем доме не прелестную кошечку, а самую настоящую пантеру. Тоже из семейства кошачьих, но приручению не поддается и спиной к ней лучше не поворачиваться.

Пока Ирина не заметила, что муж все больше времени проводит дома. От нее ускользнули болезненные перемены во внешности: неестественная худоба, землистый цвет лица, лихорадочный блеск глаз. Мощные лекарства кое-как помогали ему справляться не только с болями, но и с мужским бессилием. Эти лекарства, правда, «били» по сердцу и к каждой встрече с женой в ее спальне он готовился, как к последней. А отказаться от этих встреч не мог, как наркоман со стажем не может расстаться с наркотиком.

«В любую минуту от любого напряжения...»

Сидя вот так, в кресле, укутанный пледом, он все думал и думал: о пройденном пути, о своем деле, о партнерах по бизнесу... и неизбежно возвращался мыслями к своей девочке, своей единственной и страстной любви, и все пытался придумать что-нибудь, надежно обеспечивающее ее комфорт и безопасность после его смерти. О том, что она снова может выйти замуж, он даже помыслить не мог: безумная, неуправляемая ревность начинала его душить в полном смысле слова и снова он вспоминал ту, роковую фразу:

«В любую минуту от любого напряжения».

Он стал еще более подозрительным и раздражительным: каждого человека, появлявшегося возле особняка, воспринимал как лазутчика из вражеского стана, который покушается на его главное достояние: жену. Даже женщин, случайно забредших на дорогу возле его особняка, провожал пронзительным, злобным взглядом, который мог бы убить, имей он материальную силу. Иногда ему казалось, что стоит чуть-чуть напрячься, и враг – настоящий или мнимый – действительно упадет замертво. Но... это же напряжение! И Ирина останется одна, без защиты.

Такой роскоши он себе позволить не мог, пока не нашел решения основной задачи.

«Ничего уже нельзя, – не без горечи думал Босс. – Ни любить, ни ревновать, ни волноваться. Скоро уже и дышать нужно будет по расписанию. И зачем нужна такая жизнь? Это самое белковое существование тел? Устроить Ирину – и все. И – застрелиться.»

В следующую минуту он понимал, что и застрелиться не может, и вообще лишен возможности добровольно расстаться с жизнью. Девочку затаaskaют по следователям, замучат журналисты, она сорвется и один Бог знает, что произойдет в конечном итоге. Даже смерть ему надо было выбирать такую, чтобы у его дорогой малышки было как можно меньше хлопот и нервозов. Хотя... можно ли выбирать свою смерть?

Какая все-таки злая это штука – жизнь. Правильно говорят мудрые люди: не в деньгах счастье. Даже не в их количестве. Хотя... Не будь у него денег – не было бы и Ирины, тут все с самого начала было предельно ясно: деньги – товар. Его жена даже не считала нужным хоть как-то замаскировать истинную причину их совместного существования. Впрочем, возможно, этим и держала: лжи и фальши он бы не потерпел. Не только этим, конечно, держала.

И в один прекрасный день он решил сделать то, что не делал никогда в жизни: обратиться за помощью. Но к кому? Есть ли в его окружении хоть один человек которому он мог доверять? Есть ли у него хоть один надежный друг, а не просто партнер, готовый утопить и предать в любую минуту? Таких не было.

А если кто-то из его партнеров и мог оказаться относительно честным человеком, то наверняка пожелал бы помочь вдове не только сохранить состояние, но и скрасить одиночество. Нет! Она останется только его вдовой, уж об этом он позаботится. Найдет выход.

И вот как-то вечером он вспомнил своего напарника Левку, а ныне Льва Валерьяновича, с которым когда-то вместе отбывал срок и который теперь тоже раскрутил собственное дело, ворочал крупными деньгами и даже пытался куда-то там баллотироваться, правда вовремя

опомнился и дал задний ход. Настоящим деловым людям такая самореклама ни к чему, разумнее – да и выгоднее! – купить несколько депутатов и управлять ими из-за кулис.

Бывшие напарники давно не виделись, только перезванивались время от времени не столько по делу, сколько поздравить друг друга с праздниками. Босс помнил, что в Левке всегда была какая-то странная романтика, он мнил себя эдаким Робин Гудом, брезгливо сторонился «мокрых дел» и никогда не подводил товарищей. Это не мешало ему участвовать в достаточно дерзких ограблениях и даже составлять их планы, но человеческого в Левке всегда было больше, чем бандитского. Они ровесники, значит, Левке тоже за шестьдесят, и надо полагать, что женщины его уже не слишком волнуют. А если учесть, что он так и не женился, то, наверное, никогда особо и не волновали.

«Рискнуть? – подумал Босс. – Довериться Левке? Попросить о помощи? Страшно, но придется. Выбор у меня невелик, а времени остается все меньше...»

Босс не питал особых надежд на успех: с возрастом людям свойственно меняться, причем далеко не всегда в лучшую сторону. Но на просьбу приехать Лев Валерианович откликнулся сразу, и вот сегодня назначенный для встречи час наступил.

Внизу послышался звук подъехавшей машины, хлопанье дверей и вскоре на балкон в сопровождение охранников вошел Лев Валерьянович. В противоположность Боссу, он был высокого роста, тучен, с роскошной гривой седых волос. Степенный и вальяжный, он не шел, а нес себя – истинный Старый Лев. У него и кличка-то была «Лев», причем многие даже не знали, что это еще и имя.

«А меня окрестили „Попугаем“, – без злобы и досады, как-то отстранено, словно и не о себе, подумал Босс. – Дураки. Попугаи – мудрые птицы и живут по триста лет. А львы – от силы тридцать. Любой служащий зоопарка это знает. Жаль, что мы не в зоопарке, там нравы проще и гуманнее. Среди обитателей, естественно».

Войдя, Лев распахнул руки, как будто хотел обнять старого знакомого, и радостно про-рокотал:

– Старый друг, сто лет не виделись! Рад, рад... Ты чего это в кресле устроился? Да еще закутался, как старая бабка?

Босс попытался встать навстречу гостю, один из телохранителей подбежал помочь, но хозяин махнул рукой и снова опустился в кресло.

– Здравствуй, Лева, спасибо, что приехал, дело к тебе есть, поговорить надо. Приболел вот малость, а то бы по-другому встретил. Да ты садись, не нависай надо мной, эк же тебя много!

– Много не мало. Хорошего человека чем больше, тем лучше. Ха-ха. Шучу я так!

Похохатывая он тоже устроился в кресле, которое под ним жалобно заскрипело.

– Что-то мебель у тебя больно субтильная – он с любопытством огляделся вокруг, – а так хорошо устроился, красиво. Постарел ты как-то, совсем усох. Не заболел ли часом? Зачем позвал?

Босс усмехнулся про себя: прямо в корень смотрит и сразу быка за рога, всегда был такой. Похоже, выбор правильный: этот все поймет сразу, ему не нужно будет кашу по тарелке размазывать.

– Ты что пить будешь? – спросил, не отвечая на вопрос – водку, коньяк? Раньше ты зубровочку предпочитал, но может вкусы изменились?

– Помнишь? Приятно, приятно. Нет, вкусы не изменились. И сейчас ее, шельму, предпочитаю. Так и не привык к заморским всяким там выкрутасам: капуста, грибочки, что может быть лучше? Только картошечка в мундире, да селедочка. Молодежь этого не понимает, ей бы только пофасонить. Тут меня на днях один недоразвитый текилой угощал, сейчас это, оказывается, модно. Кактусовую самогонку хлестать – ну, уморил! Для него же, дурака, главное –

большие деньги за пузырь заплатить, он под это дело хоть керосин лакать станет... Мы-то другими были, пыль в глаза не пускали.

Старый, мудрый Лев понял, что хозяин тянет время, не хочет сразу выкладывать, к столу зовет, значит дело серьезное. Значит, не надо нажимать, можно побалагурить, развлечься приятным разговором – сам скажет, когда готов будет. Вопрос главный он уже задал, ответ получит со временем. Сам Попугай пригласил, сам и к делу перейдет.

– А ты, Генаша, тоже русскую кухню по-прежнему уважаешь? Или забурел? Текилу пьешь, лобстерами закусываешь?

Босс вздрогнул от неожиданности. Давным-давно никто не обращался к нему не только по имени, а даже по имени-отчеству, называли только Боссом. Жена в добрые минуты звала «папиком», а когда устраивала скандал... Господи, как она его только не называла! Он уже забыл, что когда-то был Геной, а потом – Геннадием Васильевичем. Вот так умрешь, а на плите напишут: «Босс». С них станется. Если вообще не забудут плиту-то поставить.

– Мы с тобой, Лева, последние из могикан. Сейчас квашеную капусту не в каждом ресторане допросишься, а если подадут – не отплюешься. Мне один раз принесли: во Флориде, говорят, солили. Совсем ума не стало у народа, прав ты. Ну, да ладно, это я уже с возрастом ворчлив стал. Сейчас пойдем в дом, к столу, посидим, как белые люди. Вечером на балконе-то прохладно становится.

– Хозяин – барин, – картинно развел руками Лев Валерьянович. – Раньше-то, если вспомнишь, на газетке кушали, из майонезных баночек пили. И все – в кайф. Я сейчас с сервизной посуды и крахмальных скатертей такого удовольствия не получаю.

Босс усмехнулся:

– Для дорогого гостя все сделаем. И газетку сыщем, и баночки. Можем колбасу стеклом порезать для общей картины.

Лев Валерианович расхохотался. Глядя на него, рассмеялся и Босс: уж очень аппетитно все делал его старый приятель – и говорил, и смеялся, и двигался. Жизнь в этом мощном теле прямо-таки была ключом.

«И с бабами, небось, никаких проблем, – не без зависти подумал Босс. – Безо всяких лекарств. Дал же Бог такую натуру...»

– Женщины тебя, небось, по-прежнему одолевают, – сказал он вслух. – Так и не женился? Свобода дороже?

– Эх, Генаша, не в свободе дело. Раньше действительно не до того было: то операцию проворачиваешь, то в зоне кантуешься. А теперь... Она мне глазки строит, а я все думаю, что в этой прелестной головке арифмометр вовсю работает, мои денежки считает. Не знаю, как у тебя, а у меня тут же всякая охота побаловаться пропадает. Бескорыстных-то нет, сам, небось, знаешь. Молчи, по лицу вижу – знаешь. Так ведь мы с тобой тоже не благотворительностью занимались в молодости-то. Верно?

На балконе появился охранник и застыл у двери.

– Готов стол, – сказал Босс и стал медленно подниматься из кресла. – Пошли, Лева, вспомним молодость, отметим встречу, чем Бог послал. Как говорится, о делах наших скорбных покалякаем...

– Ты, Лева, умный, – сказал Босс, когда уже было выпито прилично и закусок на столе заметно поубавилось. – Понял поди, что не просто так позвал.

Лев Валерьянович помотал вилкой над блюдом с рыбой, выбирая самый аппетитный кусок осетрины, и неопределенно крякнул, то ли в знак одобрения, то ли просто для поддержания разговора.

– Так позвал действительно по делу. По важному. Больше скажу, важнее дела в моей жизни еще не было.

Лев Валерьянович с интересом глянул на Босса, наполнил свою рюмку и коснулся ею рюмки собеседника, в которой еще оставалось водки на две трети.

– За тебя, Генаша. И за твое дело. Пусть оно будет удачным. А что от меня нужно? Совет? Деньги?

– Денег у меня своих полно, – отмахнулся Босс. – Советчиков тоже. Мне помощь нужна. То есть не мне...

Он замолчал, подбирая нужные слова. Лев Валерианович не торопил, прицеливался к очередному блюду. Да и знал старый Лев, что в иных случаях человека торопить нельзя, дозреть должен.

– Ты ведь знаешь, я женат, – продолжил наконец Босс. – Жена на тридцать с лишним лет моложе. Балансированная, конечно. Ну, да не в этом дело.

Над столом снова повисла пауза.

– Я скоро умру, Лева, – негромко и очень просто сказал Босс. – Очень скоро. И хочу попросить тебя приглядеть за девочкой. Она без меня пропадет. Сожрут. Наши нравы ты не хуже меня знаешь.

Лев Валерианович застыл с рюмкой в руках. К такому повороту разговора он явно не был готов и не знал, как реагировать. Наконец, спросил:

– Откуда у тебя этот дикий прогноз? Все мы смертны, но, надеюсь, не скоро. Тебе угрожают?

– Ты стал плохо слышать? – раздраженно заскрипел Босс. – Я же не сказал «меня убьют». Я сказал – «умру». Собственной смертью. Хотя, если честно, предпочел бы в такой ситуации пулю. Или яд.

– А если – операцию? – предположил неуверенно Лев Валерьянович. – Лечь в клинику за границей, там, я слышал, чудеса творят...

Босс лишь коротко глянул на него, и он осекся. Какое-то время в столовой стояла тишина, лишь потрескивал огонь в камине. Наконец Босс продолжил уже совершенно спокойно:

– Лев, мне не нужны чудеса, я уже вышел из того возраста, когда в них верят. Мне нужно твое согласие опекать девочку. Одна она погибнет. Тебя я выбрал еще и потому, что ты... Что к женщинам ты...

– Отношусь прохладно, хочешь сказать? – хохотнул Лев Валерианович. – Не стану соблазнять вдовицу у гроба? Пожалуй, верно. Не у гроба тоже не стану, это ты правильно рассчитал. Хорошо, можешь быть спокоен, пригляжу за твоей девочкой.

Босс с видимым облегчением откинулся на спинку кресла.

– Она привыкла к роскоши, – сказал он. – К тому, что каждый ее каприз выполняется со скоростью звука. И совершенно не имеет тормозов...

– Алкоголь? – деловито спросил Лев Валерианович. – Наркотики? Мужики?

– Ну, мужики, пожалуй, в последнюю очередь, в этом плане она со мной еще как-то считается, да и следят за ней. В крайнем случае, с молодыми девками оттягивается, я на это спокойно смотрю, чем бы дитя ни тешилось... А вот остальное... В прошлом году она подобрала какую-то шлюшку, сделала ее своей любовницей, посадила на иглу, сама подсела... Потом спуталась с хахалем этой шлюшки, провела охрану, удрали за город и там попала в аварию. Девка погибла, несчастный случай, конечно, но скандал мог быть громким. Ирину я отправил за границу, хахалю пугнул как следует, хотел вообще убрать, да он сам каким-то образом под машину угодил в тот же вечер. Не знаю, каким образом, меня это не волновало.

Босс запнулся, увидев насмешку в глазах приятеля и вдруг усмехнулся сам:

– Можешь мне не верить, но я к этому действительно непричастен. Просто не успел, был занят Ириной. Чистое везение. Ну, я пожелал, чтобы он исчез, понимаешь! Просто пожелал...

– Бывает, – уже серьезно покивал головой Лев. – Случается. А ты вот в чудеса не веришь.. Ладно, это действительно неважно. А как Ирина теперь?

Босс невесело усмехнулся:

– Почти прилично, от наркотиков в клинике отучили. Пьет, но дома и, в общем-то умеренно. Пока... Не станет меня – сорвется, как теперь говорят, однозначно. Не от безутешного горя, конечно, а от радости, что освободилась, и от вседозволенности. Сама себе хозяйкой будет. Меня она не любит, естественно, только терпит и то с трудом. Но деньги отработывает честно и разговорами о неземных чувствах голову не морочит.

– А ты? – осторожно спросил Лев Валерианович.

– А я... Для меня она все, понимаешь, все. Пью какую-то дрянь, чтобы в койке соответствовать. Впрочем, если она заводится, то мертвого раскачает. Мастерница! А потом из меня веревки вьет. Сколько баб знал, ни к одной даже нежности не испытывал. А эта... Убить бы ее, да самому застрелиться – рука не поднимается. В общем, пытаюсь надышаться перед смертью. А, ладно!

– На каждого волка в лесу по ловушке, – глубокомысленно заметил Лев Валерианович. – Н-да, проблемная девочка. Чем ее сдерживать-то? Кобеля купить дрессированного?

Лицо Босса так исказилось, что стало напоминать маску из какого-нибудь фильма ужасов. Он схватился за горло и с трудом поборол приступ удушья.

– Перестань! – прохрипел он. – Я даже от одной мысли об этом с ума схожу. Не знаю, чем ее сдерживать, может, ты что-нибудь придумаешь. Главное, чтобы с ней все было в порядке.

– Хорошо, – решительно сказал Лев Валерианович, – что-нибудь придумаем. Надеюсь, ты еще не скоро нас покинешь, а утро, как говорится, вечера мудренее. Познакомь меня с твоей красавицей. Иначе она не поверит, что я – твой старый друг. Тогда уже все будет потеряно.

– Пожалуй, ты прав, – с некоторым усилием сказал Босс. – Откладывать нельзя, другого случая может не представиться. Сейчас я ее позову.

Он нажал кнопку под столом и в дверях тут же возник молчаливый охранник.

– Пойди к Ирине Феликсовне, – приказал Босс, – и попроси ее сюда. Не говори, что я не один. Просто попроси. Понял?

Охранник утвердительно кивнул и исчез.

– Обслуга у тебя выдрессирована по высшему классу, – заметил Лев Валерианович, закуривая сигарету. – Что ж жену-то упустил?

– А ты попробуй выдрессировать пантеру, – огрызнулся Босс. – Потом расскажешь, что получилось. Если выживешь, конечно.

– Проконсультируйся у Западного, – невозмутимо ответил Лев Валерианович. – У него в цирке львы на тумбочках сидят, как детсадовцы за столиком.

– «Львы и тигры приручаются, это редко, но случается», – отозвался Босс.

– Господи, а эта бредятина откуда?

– Не помню. С детства в голове застряло.

– Вот уж не думал, что ты способен стихи декламировать.

– Такие – способен. Кстати, твоего Западного его звери неоднократно рвали, читал где-то. Моя хоть не кусается, только рычит. И царапается. Сколько мне горничных пришлось уволить, я уже со счета сбился! Чуть что не по ней – выпускает когти. Что ты хихикаешь? Впивается ногтями в руку – до крови, стерва такая...

– Папик, ты меня звал? – раздался от двери низкий женский голос с хрипотцой завязтой курильщицы.

Лев Валерианович медленно обернулся на голос и непроизвольно вздрогнул. В дверях стояла женщина, при взгляде на которую действительно тут же вспоминалась пантера. Высокая, гибкая, с роскошными каштановыми волосами, чувственным ртом и зелеными чуть приподнятыми к вискам, глазами, невероятно красивого разреза. Рот был, пожалуй, великоват, но губы безупречной лепки скрадывали этот недостаток. Прекрасный, хищный, дикий зверь,

отлично сознающий силу своей красоты. И такая женщина – жена Попугая?! Воистину, деньги всемогущи.

– Звал, Ириша, – тихо ответил Босс. – Хочу тебя познакомить с моим старым другом. Вместе когда-то начинали бизнес. Льву я верю, как самому себе.

– Да будет тебе, Генаша, – запротестовал Лев Валерианович. – Расхваливаешь, как цыган коня. Это наши с тобой дела.

Он неожиданно легко выбросил свое грузное тело из кресла и склонился над рукой Ирины.

– Рад, очень рад, – пророкотал он на самом низком своем регистре. – Понимаю, почему Геннадий вас никому не показывает. Я бы и сам такую женщину держал под замком.

Ирина кокетливо передернула плечами, не отнимая руки, прищурилась и сказала:

– Все вы одинаковые. Охмурили женщину – и под замок. А потом лежите на ней, как собаки на сене...

– Ирина! – предостерегающе сказал Босс.

– А что я такого сказала? Ладно, давайте выпьем за знакомство. Что у вас тут?

Она подбежала к столу, оглядела его и сделала капризную гримаску.

– Зубровка? Как можно пить такую гадость? Папик, в доме есть кое-что получше. Тебя что, жаба задушила? Пожалел для друга бутылку хорошего виски?

– Ирина! – простонал Босс. – Что ты несешь, опомнись! Когда я чего жалел?

«Оправдывается, – удивленно подумал Лев Валерианович. – Попугай оправдывается перед этой бабенкой. Вот уж не ожидал от него. Здорово скрутила мужика, стерва. Но – хороша, слов нет. Сколько живу – такой не видел».

Ирина, по-видимому, почувствовала, что произвела на гостя впечатление и губы ее торжествующе дрогнули. Восхищение окружающих всегда действовало на нее сильнее любого наркотика.

– Ну, я же пошутила, папик, – кокетливо протянула она. – У тебя отказало чувство юмора? Просто мне не хочется зубровки. Прикажи принести что-нибудь приличное для меня.

– Генаша, прикажи шампанского, – вмешался Лев Валерианович. – За прекрасных дам принято пить шампанское.

Ирина по-ребячески захлопала в ладоши:

– Да, конечно, будем пить шампанское! За знакомство!

Она уселась в кресло, закинула ногу на ногу и высокий разрез юбки позволил гостю по достоинству оценить открывшийся ему вид. Лев Валерианович даже крикнул, но Ирина и бровью не повела, точно не слышала.

– Веди себя прилично, Ирина, – с безнадежностью сказал Босс. – Тут только два старика, умерь свой пыл.

– Тут два мужчины, причем один из них – мой муж, – отпарировала та. – А больше никого я по твоей милости не вижу...

– Друзья, друзья, – зарокотал Лев Валерианович, – не будем придирааться друг к другу. Красивая женщина не может вести себя неприлично по определению.

– Слышал? – с торжеством спросила Ирина у мужа. – Поучись хорошим манерам у своего друга.

– Боюсь, мне уже поздно, – с вымученной улыбкой отозвался Босс.

– Учиться никогда не поздно, – возразила Ирина.

– Ученого учить – только портить, – одновременно сказал Лев Валерианович и этот спонтанный дуэт внезапно развеселил всех, даже Босса, и атмосфера в комнате заметно разрядилась. В этот момент появилось шампанское, которое немедленно разлили по бокалам.

– За наше знакомство, – галантно сказал Лев Валерианович. – И за вашу красоту.

– Испортишь мне девочку, – заворчал Босс. – Она и так от себя без ума.

Ирина показала ему язык и осушила бокал до дна. По-видимому, это был не первый бокал за сегодняшний день: ее щеки тут же вспыхнули, а глаза неестественно заблестели. Она протянула бокал мужу:

– Добавь!

– Ириша, а может... – начал он.

– Я сказала, добавь, – отрезала она. – Сколько тут было? Слону дробина.

Босс подчинился и умоляюще посмотрел на Льва Валериановича, как бы желая сказать: «Ну, видишь? Что с ней прикажешь делать?» Тот ответил сочувствующим взглядом: «Да, старик, попал ты крепко. По полной программе».

Ирина пила практически без перерывов, прикуривая одну сигарету от другой, и болтала о пустяках, перескакивая с темы на тему. Лев Валерианович с любопытством наблюдал за ней, прикидывая, на каком по счету бокале женщина окажется под столом. Босс откровенно страдал, будучи не в состоянии остановить жену. Наконец ее речь замедлилась, глаза остекленели, она откинулась на спинку кресла и практически мгновенно заснула. Босс протянул руку к звонку.

– Не надо, – остановил его Лев Валерианович. – Сами справимся.

Он достал из кармана визитную карточку и написал на ней несколько слов, а потом протянул ее Боссу.

– Положи это ей куда-нибудь, куда она чаще всего заглядывает. Может, вспомнит, когда проспится. Или позже...

На карточке было написано: «Вы можете всегда на меня рассчитывать».

– Это еще зачем? – удивился Босс.

– Ты нас познакомил? Познакомил. Прекрасно. Больше нам с ней видеться ни к чему. А завтра или даже сегодня, когда проспится, она может меня и не вспомнить, неужели ты этого не понимаешь? Если, не дай Бог, я понадобится, она меня позовет. Сама. Твоя рекомендация только все испортит. Она ведь дьявольски упряма, нет?

– Это еще мягко сказано, – вздохнул Босс. – Так, девушка готова. Не оставлять же ее тут...

– Конечно, нет, – пожал плечами Лев Валерианович. – Показывай дорогу.

Он без особого усилия поднял Ирину на руки и отправился к двери. Босс осмотрел на него с откровенной завистью, в очередной раз вздохнул и поплелся показывать дорогу в спальню Ирины. Там они поручили все заботы горничной и молча вернулись в столовую. В молчании разлили по рюмкам зубровку и выпили, не закусывая.

– Такую женщину действительно надо держать на цепи, – произнес наконец Лев Валерианович. – Одно слово – пантера.

– Цепь она перегрызет, – отозвался Босс. – Ну, так как? Выполнишь мою просьбу?

– Только потому, что просишь ты, – медленно сказал Лев Валерианович. – Любому другому я бы отказал, не задумываясь. Никогда не любил русскую рулетку. Как тебя угораздило?

– Наверное, это любовь, – пожал плечами Босс. – С ней мучаюсь, без нее страдаю. Пока она была в Швейцарии, чуть с ума не сошел от тоски. Вернулась – почти спятил от ее штучек. Сегодня она еще тихая.

Лев Валерианович отделался неопределенным междометьем. Перед глазами у него стояла Ирина в тот момент, когда она появилась в дверях столовой. Удивительная, дикая красота, шальные зеленые глаза, чувственный рот. А ноги! И ведь знает, чертовка, свою силу. Безумие, конечно, но эта женщина его по-настоящему взволновала.

Хотя лично он всегда предпочитал совершенно иной тип женщин: миниатюрных блондинок, пассивных, покорных, а главное – молчаливых. Они изредка появлялись в его спальне и очень быстро бесследно оттуда исчезали. Но эта оторва... Стерв он укрощать умел, только не любил. Что ж, для разнообразия, пожалуй, можно попробовать.

Он украдкой бросил взгляд на старинного приятеля. Недомерок, урод, соплей перешибить можно – и такая жена. Нет, справедливость все-таки существует, и если Попугаю суждено умереть, пусть не слишком копаются. В крайнем случае, можно будет и посодействовать. А Ирина не пропадет, он, старый Лев, об этом позаботится. Нельзя, чтобы такая женщина с таким наследством попала в руки какому-нибудь молодому подонку...

– Спасибо тебе, – вывел его из размышлений голос Босса. – Теперь я почти спокоен за малышку. Под твоим покровительством она не пропадет.

«Старый дурак, ты ничего не понял. Как кстати ты собрался умирать, как удачно обернулся сегодняшний вечер. Да, я возьму под покровительство твою малышку с ее миллионами. Она у меня по струночке будет ходить. И ведь какая удача: получить процветающий раскрученный бизнес, не связываясь с криминалом и не тратя своих денег. Воистину, старый друг лучше новых двух».

«Я все понял, Левка. Я знаю, как Ирина действует на мужиков. Я ошибся в своих расчетах: ты такой же подонок и кобель, как и все остальные. Но я пока еще жив. Я найду малышке другого попечителя. Тебе она не достанется. Тебе вообще никто не достанется, максимум через три дня ты будешь трупом. Я еще постою у твоего гроба, скорбный и безутешный. Кого ты думал провести: меня, Попугая? Да я всегда был умнее и дальновиднее тебя».

Босс протянул руку к бутылке и снова наполнил рюмки:

– Ну, за нашу дружбу! – сказал он. – Да, чуть не забыл: вот список моих основных дел.

Он протянул Льву Валериановичу сложенный вдвое лист бумаги, но тот отстранил его руку и негромко рассмеялся.

– Генаша, у тебя память сдает. Такой фокус ты проделал с одним фраером много лет назад. Дал почитать какой-то документ, а в рюмку сыпанул, с позволения сказать, лекарство. Через три дня фраер лежал на столе строгий и красивый, причем тапочки у него были белые. А перстенок-то у тебя прежний остался. Может, отравы поменялась, качественнее стала, я быстрее отмучаюсь. Список дел, говоришь? Да ты же сам объявил в начале нашего базара, что дело у тебя ко мне – одно-единственное. Обижаешь, старый кореш. Думаешь, я не видел, как у тебя морда перекосилась от ревности? Успокойся, твоя жена не в моем вкусе. Честное слово. Не горячись, никого другого на мое место ты все равно не найдешь. Лучше просто нет.

– От скромности ты не умрешь, – поддел его Босс.

– Не умру, – подтвердил Лев Валерианович. – От глупости – тоже. Ни от своей, ни от чужой. Так что хватит дурочку по полу катать, давай к делу. Если ты раздумал, то я без претензий: сию секунду забываю все, о чем мы говорили, и к Ирине Феликсовне ни при какой погоде на пушечный выстрел не подойду. Успокойся.

– Пожалуй, ты прав, – вздохнул Босс. – Я чуть было не свалил дурака. Об одном прошу: будь с ней осторожен. Она не так проста, как кажется. Вполне может погубить тебя, а тогда уж точно и сама пропадет.

– Да перестань ты себя накручивать! Обычная стервозная красотка, забалованная, перекормленная, тормозами пользоваться за ненадобностью разучилась... Так ведь ты помнишь, у меня, как в армии: не знаешь – научим, не можешь – поможем, не хочешь – заставим. Эта самая пантера с руки есть будет и хвостом вилять от усердия...

– Не переоценивай свои силы, Левка, и не обольщайся насчет Ирины, искренне советую. Знаешь, какую кличку ей дали мои подчиненные? Императрица. Как по-твоему, это о чем-то говорит?

– По-моему, это не столько говорит, сколько многое объясняет, – медленно произнес Лев Валерианович. – Практически все.

Глава третья. Рыцарь печального образа

Я напрасно изнуряла себя глупыми мыслями: завтра оказалось лучше, чем вчера в прямом соответствии с текстом когда-то популярной песенки. Во-первых, позвонил Андрей и очень ласково осведомился, во-первых, о моем самочувствии, а во-вторых, сказал опять-таки неожиданную для меня вещь:

– Малыш, я тут разговаривал с Павлом, он считает, что тебе довольно тоскливо бывает у них в «поместье». Может, подруг пригласишь, места-то там хватает.

– Подруг? С чего вдруг? – почти в рифму осведомилась я.

– Мне казалось, на следующей неделе у тебя день рождения. Или я ошибся?

Риторический вопрос: Андрей никогда не ошибался ни в датах, ни во времени, ни в фактах. Это я могла парить в эмпиреях, как творческая личность. Кстати, о своем дне рождения я как раз забыла напрочь. Дата некруглая, но приближается к такой, после которой, как мне представляется, нужно не поздравлять, а выражать соболезнования.

– Ты что там примолкла? – осведомился Андрей. – Вспоминаешь, когда родилась? Или пересчитываешь количество возможных гостей?

– Гостей-то можно пересчитать по пальцам одной руки, – вздохнула я. – Галка со своим Тарасовым, да Алина... возможно.

– Алина – это твоя знаменитая гадалка?

– Других Алин у меня нет. Но она терпеть не может выходить из дома, а уж загородная поездка для нее – просто подвиг. Разве что кавалера какого-нибудь мобилизует.

– Итого четверо, – деловито подвел итог Андрей. – Вот и чудесно. А сегодня я освобожусь пораньше, пойдем покупать тебе подарок.

– Не рано ли? – усомнилась я.

– Я хочу подарить тебе то, что ты наденешь на день рождения. В последнюю минуту это вряд ли правильно делать.

Непостижимый человек! Уйти накануне, оставив меня почти уверенной в том, что наш роман начинает увядать, и тут же представить доказательства того, что все наоборот продолжает цвести пышным цветом. Конечно, я согласилась. Договорились, что Андрей заедет за мной часа в четыре, мы поедем выбирать мне подарок, а потом, когда управимся – на природу, к Павлу, как и планировалось ранее.

Я положила трубку, глянула на часы и охнула: на все сборы и приготовления у меня оставалось максимум два часа. А ведь я обиралась сегодня еще и приготовить к ремонту ванную и туалет: в понедельник с утра должны были прийти мастера, которые клятвенно обещали за четыре дня превратить стандартные «удобства» образца пятидесятих годов прошлого века в современный дворец, то есть в совмещенное пространство с душевой кабиной, ванной-джакузи и прочими предметами роскоши.

Облик этого помещения мне помогла создать Галка: будучи по профессии (и по призванию) архитектором, она за время своей трудовой деятельности собрала роскошную библиотеку по интерьерам на любой вкус и кошелек. Она же помогла мне подобрать аксессуары: плитку, сантехнику, оборудование. На картинке, которую она лично создала и оставила мне в компьютере сверкало Нечто в зеленовато-бежевых тонах, подчеркнутое густым изумрудным цветом фаянса и бронзой всевозможных кранов и ручек.

Смету она тоже составила лично, чтобы, как она выразилась, я «не пошла по миру с протянутой рукой». На самом деле при ее связях очень многое ей удалось приобрести для меня по оптовой цене на складах. Когда я увидела окончательную сумму, то глазам своим не поверила: за такие деньги, в принципе, можно по нынешним временам сделать разве что космети-

ческий ремонт с заменой старой сантехники на новую, почти такую же по дизайну и функциональным способностям. Все-таки знакомства и блат – великое дело.

Андрей еще не видел рисунка, да я и не собиралась демонстрировать то, чего пока не существовало, так сказать, в натуре. Если честно, то немного побаивалась: вкусы у нас совпадали далеко не всегда, и мне очень не хотелось дискутировать на тему «что такое хорошо и что такое – плохо». Не говоря уже про то, что Андрей предпочитал серо-синюю гамму, а больше всего любил черный цвет. О вкусах не спорят, вот я и не хотела о них спорить. Хотела просто поставить перед фактом: как это было в случае со спальней... Может быть, именно поэтому он и не остался ночевать? Выразил таким образом свое отношение? Ничего, привыкнет.

Ради этого самого ремонта мне пришлось на неделю отпроситься в издательстве, потому что два присутственных дня – понедельник и среда – как раз должны были быть самыми насыщенными в связи с переделками. Не могу сказать, что начальство отпустило меня с восторгом, но и препятствий особых не чинило: живые люди, прекрасно понимают, что происходит стихийное бедствие: ремонт. И что никто, кроме меня, дежурить дома не сможет. Так что предстоящую неделю я могла всласть побездельничать, но... Но с условием, что вставать придется в семь часов, потому что с восьми утра начинаются все работы. Ложка дегтя в бочке меда...

Впрочем, я практически все успела, даже позвонила Галке, чтобы прозондировать обстановку насчет следующих выходных. Подруга моя только что вернулась с каких-то своих деловых встреч и набиралась сил перед вечерней срочной работой. Так что момент я выбрала удачно, иначе она просто отключила бы телефон, чтобы не мешали. Это мне все кажется, что я пропущу важный звонок, если аппарат не будет функционировать круглосуточно.

– Я с удовольствием приеду, – сказала Галка, выслушав мое предложение о празднике за городом. – Только без Тарасова, он с понедельника в командировке недели на две. А могу я...

Галка замялась, что было для нее совершенно нехарактерно. Я, грешным делом, предположила, что «образцово-показательный брак» моей подруги все-таки приблизился к общепринятым нормам, и вместо супруга она хочет приехать с другом. Но я ошиблась.

– Могу я приехать с девушкой? Приехала Юлия, у нее дела в Москве и куча неприятностей, мне не хотелось бы оставлять ее на выходные одну.

Юля была школьной подругой Галки, я ее знала постольку поскольку, в основном, по рассказам подруги, и только пару раз видела лично. Но зато отлично запомнила, потому что таких красавиц мне наблюдать в реальной жизни доводилось не часто: стройная, среднего роста, с точеными чертами лица, прекрасной лепки рта и очень выразительными зелеными глазами, чуть-чуть приподнятыми к вискам. Плюс – копна роскошных темно-каштановых волос, которые в пору было показывать в рекламе какого-нибудь шампуня.

Но при всех этих роскошных внешних данных жизнь Юлю не баловала, а я бы сказала, дразнила. Поклонников у нее всегда было огромное количество, но она предпочитала проводить вечера дома, с родителями, которые ее просто обожали. Объяснялось это еще и тем, что, как по секрету рассказала мне Галка, младшая сестра Юлии пропала в годовалом возрасте. Ребенка просто украли вместе с прогулочной коляской, когда мать на несколько минут зашла в булочную. Юлии тогда было десять лет, она все прекрасно помнила, равно как и отчаяние матери. Ребенка так и не нашли, но после этого родители тряслись за старшую дочь так, как не трясутся за беспомощных младенцев.

Но судьбе было угодно распорядиться так, что в двадцать лет Юлия осталась круглой сиротой: по дороге на дачу их «Москвич» на полном ходу протаранила встречная «Волга». Родители погибли на месте, а Юлии повезло: через неплотно закрытую заднюю дверцу она просто вылетела из машины в придорожную канаву. Отделалась переломом руки и легким сотрясением мозга, но прежняя жизнь навсегда осталась под колесами лихача, который даже не остался на месте аварии, и которого так и не удалось отыскать.

После этого Юлия согласилась выйти замуж за одного из самых настойчивых своих обожателей, да что-то там не сложилось, свадьба расстроилась, а обожатель уехал куда-то на Урал и на несколько лет исчез из поля зрения всех своих друзей и знакомых. Через два года Юлия все-таки вышла замуж, не по страстной любви, как все понимали, но по твердой симпатии, за человека много старше ее. И опять не сложилось: муж оказался безумно ревнивым, к тому же психически не вполне нормальным человеком, жизнь с которым очень скоро превратилась в ад. Так что развод оказался единственным выходом. И опять Юлия осталась одна.

И тут объявился ее первый возлюбленный, успевший эмигрировать и получить американское гражданство, и сделал предложение. Галка была свидетельницей на их свадьбе и потом рассказывала мне, что муж Юлии – бизнесмен, начинает раскручивать свое дело в Уральске, привез для этого из Америки неплохие деньги. Юлия продала квартиру в Москве и отправилась с мужем помогать ему. К сожалению, он оказался честным человеком, а таким в российском бизнесе делать нечего. Влиятельный партнер, суливший золотые горы и всяческую поддержку, элементарно «кинул» новоявленного бизнесмена, кончились деньги и, что самое печальное, кончился срок российской визы.

Юлин муж отправился в Америку, чтобы уладить свои дела и вернуться с новыми силами, но его самолет до Америки не долетел, упал по дороге в океан. Юлия осталась вдовой с квартирой в Уральске и без копейки денег. И тогда она приехала в Москву, чтобы попытаться восстановить дело покойного мужа. Жить ей было негде, приютила ее, естественно, Галка, которая обожает покровительствовать всяким «несчастеньким».

Вот уж действительно: не родись красивой... Казалось бы, у Юлии должно быть все – и только по высшему классу. В результате: несколько лет жизни с любимым человеком – и полный крах всего. Ну, не совсем полный: в Москве Юлия рассчитывала получить кое-какие деньги от должников ее покойного мужа. По ее подсчетам, в случае удачи она могла бы на эти деньги восстановить московскую прописку, купить маленькую квартирку и попробовать жить дальше. Но пока ничего конкретного не получалось: должники кормили ее «завтраками» и неопределенными обещаниями.

– Ну, конечно, приезжай с ней, – сказала я, не раздумывая. – Хоть отвлечется немного. Или, по крайней мере, не будет одна дома в выходные сидеть.

Галка сразу повеселела и спросила, что я планирую переделывать в квартире после ванной комнаты.

– Кухню, естественно, – удивилась я подобному вопросу.

А Галка удивилась подобному ответу, правда, ненадолго. Когда-то давно мы с ней выяснили, что если кому-то придется переезжать на новое место и там устраиваться, то Галина первым делом озаботится, где принимать гостей. А я – где мне спать и вкушать утренний кофе. Не сомневаюсь, что в собственных апартаментах моя подруга прежде всего занялась бы гостиной или столовой. Я же, естественно, начала со спальни.

– Андрею спальня понравилась? – ревниво спросила Галка.

У них за это время сложились какие-то непонятные отношения полу дружбы, полу критичности, они то и дело друг друга подкалывали, причем чаще это делала Галина. Андрей скорее оборонялся. Что ж, даже умные женщины ревнуют своих близких подруг к их избранникам, хотя мне, например, в голову не пришло бы ревновать Галину к кому-нибудь из представителей сильного пола вообще.

Впрочем, я вообще не знаю чувства ревности. Точнее, плохо представляю себе, что это такое. Второй муж, царствие ему небесное, не давал к этому ни малейшего повода, первый давал столько поводов, что для ревности уже и места не оставалось. А человек, которого я действительно всю жизнь любила, всегда был с какой-нибудь другой женщиной. Его ревновать было еще более бессмысленно, хватало того, что он меня никогда не любил.

Разговор пришлось прервать, потому что в дверь позвонили. Между прочим, у Андрея были ключи и от прежней моей квартиры, и от этой я ему вручила практически в день переезда сюда, если не раньше, но он никогда ими не пользовался. Причем подчеркнуто не пользовался: даже если мы возвращались откуда-нибудь вместе и я просила отпереть дверь, он всегда поворачивал ситуацию так, чтобы это сделала я собственными ключами. Почему? Ответа на этот вопрос, как и на многие другие, касающиеся Андрея, у меня не было.

– Голодный? – задала я традиционный вопрос, ответ на который знала заранее. – Устал?

– И то, и другое, малыш, – довольно-таки бодро откликнулся Андрей. – Но и то, и другое, поправимо и преходяще. Если ты дашь мне какой-нибудь бутерброд, то я как-нибудь дотяну до вечерней трапезы у Павла. А за два дня отдохну по полной программе. И потом, надеюсь, буду уставать значительно меньше.

– Чем объяснишь? – осведомилась я, направляясь на кухню.

Бутерброд – понятие относительное, а при наличии выбора продуктов вообще абстрактное. В данном случае я решила сделать то, что Андрею нравилось больше всего: горячие сэндвичи с ветчиной и сыром. В микроволновке все это готовилось за минуту, а я тем временем вымыла зелень и нарезала помидоры. Когда Андрей через пять минут вошел на кухню, на столе уже был готовый натюрморт.

– Сказка! – восхитился Андрей. – Мечта голодающего.

– Ты не ответил на мой вопрос, – напомнила я.

– Какой именно? – с набитым ртом отозвался Андрей.

– Последний. Почему ты теперь будешь меньше уставать?

– Потому, киска, что я ушел с работы. И теперь больше не будет постоянных ночных заданий, ненормированного рабочего дня и прочих прелестей моей профессии.

– А что будет? – с острым любопытством спросила я.

– Будет нормированный рабочий день, собственный кабинет, четко очерченный круг обязанностей и денежка. Называется это переводом на другую работу с повышением в звании. Собственно, подполковника я получил месяц тому назад...

Андрей осекся и виновато на меня поглядел. Я только вздохнула: по-видимому, я не так уж много значу для моего друга, точнее, уже почти жениха, если о такой важной новости он мне сообщает через месяц.

– Не сердись, Светланка, как раз решался вопрос о моем переводе в другое ведомство, мне хотелось преподнести, так сказать, весь пакет новостей. Завтра отпразднуем, как говорится, в узком кругу. Кстати, Павел с сегодняшнего дня – полковник, так что сама понимаешь...

Вот это моя беда: я всегда все понимаю, причем понимаю правильно, во всяком случае, с точки зрения окружающих. Вхожу в положение, встаю на точку зрения оппонента или даже на его место, делаю скидку... В результате все счастливы, а я принимаю успокоительное и страдаю бессонницей. Жалобы при этом можно писать только на самое себя: характер такой. Даже мой собственный сын периодически советует мне над характером поработать и добиться хотя бы минимальной твердости.

– Ты, маменька, человек крайностей, – заявило мне, в частности, мое чадо в одной из откровенных бесед. – Молчишь, терпишь, безропотно глотаешь любую гадость, которую тебе преподносят, сама уши под любую лапшу подставляешь. А потом – бах! – достигнута критическая точка и происходит термоядерный взрыв и идут клочки по закоулочкам.

Устами младенца...

– И где же ты теперь будешь трудиться? – спросила я, решив «не усугублять».

– На Петровке, – последовал четкий ответ. – В отделе по борьбе с наркотиками. Точнее, буду заместителем начальника отдела. Как говорится, дружеская кадровая поддержка нашего доблестного МУРа. Буду теперь ментом.

– Поздравляю, – отозвалась я с умеренной долей энтузиазма. – Подарка, к сожалению, ты сам себя лишил: я ничего к такому случаю не припасла. Придется ждать профессионального праздника.

– Не припасла? – изумился Андрей. – А ты не ошибаешься? Я вчера в спальне краем глаза заметил кое-что.

– В спальне? – в свою очередь изумилась я. – Понятия не имею.

– Темните, мадам. Пойдем, покажу.

– Пойдем, – согласилась я, окончательно сбита с толку.

Мы вошли в спальню и Андрей напрямик направился к тумбочке справа от изголовья. Остановился и поманил меня к себе. Я послушно, как загипнотизированная, подошла и... через несколько секунд оказалась в сугубо горизонтальном положении на собственной роскошной новой кровати.

– Как же не припасла? – шептал Андрей, освобождая меня и себя от лишней одежды. – Красивая женщина в роскошной спальне после великолепного полдника... Мне любой мужчина может только позавидовать... Обладать такой женщиной...

Справедливости ради, должна сказать, что мне подарок тоже понравился.

Несмотря на то, что мы порядком припозднились, за подарком мне мы все-таки поехали. Андрей настоял. Оказывается, он давно присмотрел и магазинчик, и сам подарок, но мое присутствие было обязательным, поскольку подарок нужно было мерить, «на глазок» мой друг его приобрести не решился.

Когда я глянула в зеркало примерочной кабинки, то поняла: эта вещь надолго станет моей самой любимой и самой парадной. Костюм из тонкой материи, по виду неотличимый от замши, но гораздо более практичной и эластичной, цвета крепкого чая. Длинная юбка с высоким разрезом и жакет в талию. Фигура у меня в порядке, никому не завидую, но в этой шкурке я выглядела как фотомодел. Да, вкус у Андрея все-таки был отменным, даже цвет он подобрал мой любимый, а не свой излюбленный синий.

Когда я вышла из кабинки, Андрей просиял и показал мне сразу два больших пальца. Судя по всему, немногие окружающие его мнение разделяли. И я с редкой для меня непосредственностью бросилась Андрею на шею, разом простив и все странности поведения, и таинственность, и непонятные умолчания...

Упакованный в фирменный пакет костюм я тщательно уложила на заднее сидение машины, сама уселась рядом с Андреем и мы покатали по уже совсем вечерней Москве на юг, в Калинино. По дороге, конечно, отоварились кое-какими продуктами и напитками, а я настояла на том, чтобы купить для Павла какой-нибудь милый сувенир от меня лично: ведь полковниками не каждый лень становятся. Андрей притормозил возле Даниловского универмага и сказал:

– Только давай в темпе. Иначе мы только к утру до места доберемся.

На всякий случай, я ничего обещать не стала, просто неопределенно мотнула головой и отправилась за сувенирами. Думаю, Андрей догадался о том, что подарок будет куплен не только Павлу, потому и остался поджидать меня в машине.

Мне повезло: довольно быстро я нашла оригинальную пивную кружку, коллекцию которых собирал Павел, и забавную фигурку-талисман на переднее стекло автомобиля – для Андрея. Как говорится, мило, недорого, элегантно. Так что через двадцать минут я уже вернулась обратно и снова забралась в машину.

– Молодец! – одобрил мою оперативность Андрей. – Уложились почти в срок, для женщины просто замечательно...

Я закатала глаза под лоб и тихонько застонала. Знает ведь, финик эдакий, что я терпеть не могу сравнения по половому признаку, и нарочно дразнит. Впрочем, наверняка решил, что на сегодня красивых поступков и слов с его стороны было достаточно и нечего баловать

подругу. А то будет передозировка сладкого, прямиком ведущая к диабету. Это все я уже проходила, неоднократно слышала, поэтому и ограничилась минимальным выражением неодобрения.

– Как, кстати, твои успехи на ниве перевода? – поинтересовался Андрей, когда мы выехали за кольцевую дорогу. – Выполнила недельную норму по трупам?

– Не сыпь мне соль на раны, – отозвалась я, невольно передернувшись. – На сей раз точно нарочно: идиотизм на идиотизме и идиотизмом погоняет. Но вообще-то завидно.

– Кому ты завидуешь? – изумился мой друг.

– Тамошним писателям, – пояснила я. – Убивают, кого хотят, причем с полпинка. И не озадачивают себя правдоподобностью.

– Опять не понял, – пожал плечами Андрей. – Если все так просто, почему бы тебе не перенять опыт и не использовать его в твоих оригинальных произведениях? У меня при этом будет меньше головной боли.

Перейти на прямые заимствования из «ихней жизни»? Да это же курам на смех! Я, естественно, бурно возмутилась:

– Перенять опыт? Да ты послушай, какой бред они несут. Убийство в купе при помощи отравленного ботинка. Можешь себе представить, как натурально это будет выглядеть в нашей действительности? Да этого не может быть потому, что этого не может быть никогда!

– Отравленный ботинок – это круто, – согласился Андрей. – Для нас это, пожалуй, пока только голубая мечта. Куда проще купить пистолет или автомат и расстрелять оппонента. Все равно не найдут...

– Вот этого ты больше никому не говори, – посоветовала я. – Ты же теперь сам милиционер, а не «органист». А то вычислят тебя, как «засланного казачка», и сгоришь, как швед под Полтавой.

Брошенный на меня острый взгляд был, мягко говоря, неприязненным. Опять я что-то сморозила не к месту? Или у моего друга внезапно отказало чувство юмора? Но я, по-видимому, ошиблась: когда Андрей заговорил, голос его был по-прежнему ровным и спокойным.

– Я, между прочим, никого не обвиняю в служебном несоответствии. Но вот тебе конкретный случай, сегодня узнал от своих новых коллег. Нашли одного парня...

Я тут же наострила уши. Все, что рассказывал Андрей, могло так или иначе пригодиться мне впоследствии в процессе моего, с позволения сказать, творчества. На всякий случай еще и уточнила:

– Он что, в розыске числился? Или на нем дюжина трупов висит?

– Он сам давно труп, – пояснил Андрей, закуривая сигарету. – Поехал к своей девчонке – и с концами. Родители прождали месяц, потом обратились в милицию. Где они раньше были, хотел бы я знать? Столько времени ждали, думали, что «мальчик просто загулял». Наконец, поняли, что дело плохо. Но месяц...

– Тогда как же удалось найти парня?

– Чистое везение, – поморщился Андрей. – Даже ты наверняка знаешь, что если за поиск берутся не позже, чем через три дня после исчезновения человека, то только тогда есть реальный шанс найти его «по горячим следам». А потом...

Я пропустила мимо ушей шпильку «даже ты». Мне был интересен сюжет, а не оценка моих умственных способностей. Это я могла сделать самостоятельно и в комментариях со стороны давно уже не нуждалась.

– В общем, ребята просто пожалели родителей. Поехали к той девчонке, с которой у парня было свидание. Она сказала, что ее Ромео свинтил часиков этак в десять. Причем сказал, куда, но она не запомнила. Между прочим, прикинь: у парочки самый разгар страсти, кавалер исчезает, а дама и ухом не ведет. Решила, что поматросил и бросил.

– Обычно так и бывает, – пожалала я плечами. – Мужчинам верить нельзя.

Один-один, шпильку я вернула. Если все бабы – дуры, то все мужики, ясное дело, подлецы. Как ты со мной, так и я с тобой. Равноправия пока еще никто не отменял.

– Будем надеяться, что присутствующих это не касается, – заглотнул приманку Андрей. – Разве я давал тебе повод...

– Не давал, не давал, – поспешила я погасить назревавшую дуэль. – Так что там с парнем? Не отвлекайся.

– В общем, стали опрашивать соседей девицы, – продолжил Андрей. – Глухо. Никто ничего не видел. И тут наткнулись на бабку, которая днюет и ночует на лавке у подъезда. А это бабка вдруг вспоминает, что в тот вечер во дворе приключилась драка и за кем-то даже приехала «Скорая». Дальше, сама понимаешь, дело техники. Звонок ребятам в местное отделение, выход на врача «Скорой». Тот рассказывает, что парень без документов, пострадавший в драке, умер по дороге в больницу. Его подержали месяц, а потом кремировали. Одежду, правда, сохранили. Сегодня родители одежду опознали... Вот такая история. Нравится?

– Не очень, – честно отозвалась я, – но с заимствованиями из западной жизни тоже не получится. Слушай, даже меня уже тошнит от этого боевика. Как говорится, «мне бы ваши заботы, господин учитель». Главная проблема – поделить по честному миллион баксов. Нравится?

Андрей глянул на меня с острым интересом:

– И что же в этом противного? Параллели?

– Да ну тебя к богу в рай! – отмахнулась я. – Параллели, но не с нашей милицией, а с условиями работы. Вам бы их возможности, от преступников в России мокрого места бы не осталось.

– Не преувеличивай, – усмехнулся Андрей. – В Америке при всей демократии преступность тоже на убыль не идет.

– Это за счет эмигрантов из России, – отпарировала я, и мы оба расхохотались.

– Ты же умираешь от любопытства, – отсмеявшись, сказал Андрей, – почему я решил податься в ментовку. Правда?

– Правда, – не стала я спорить. – Пока еще не умираю, но интересно – жуть.

– Там есть реальный шанс получить квартиру.

– Квартиру? – слегка опешила я. – Разве ты... разве вы с женой не будете разменивать вашу? Ты же говорил, что вложил в нее ровно половину...

– Я мужчина, малыш, – неожиданно жестко сказал Андрей, – и ничего разменивать и делить не буду. Ни квартиру, ни пресловутое «совместно нажитое имущество». Разведусь и все. Алименты, слава Богу, платить не надо, сыночку уже двадцать.

О сыне Андрей говорил еще реже, чем о жене, и всегда – с явной неохотой. Я знала только, что юноша учится на платном отделении юридического факультета МГУ, что за учебу его платят поровну оба родителя, и что отпрыск особыми способностями, равно как и прилежанием, не блещет и никаких особых надежд не подает. К тому же отца не слишком уважает, поскольку мать зарабатывает раз в пять, если не в десять, больше, будучи заместителем управляющего одной из крупнейших риэлтерских фирм Москвы, а следовательно – России.

Я подозревала, что основной причиной развода стало именно это несоответствие доходов. Начинали оба одинаково, в одном и том же городе, довольно далеко от Москвы, а именно – в Алма-Ате. Очень своевременно перебрались в Москву и купили неплохую квартиру. А потом карьера жены резко пошла вверх, а муж дослужился только до майора. Плюс постоянное отсутствие дома и командировки. В принципе, редкий брак может достойно выдержать такое испытание. Но все-таки такое решение вопроса – «в стиле настоящего мужчины» – мне не очень нравилось. И скрывать я этого не стала.

– Мне казалось, твоя жена достаточно обеспеченная женщина...

– Правильно казалось, – холодно ответил Андрей. – Но если я не смог обеспечить ей достойное, с ее точки зрения, существование, то вполне способен хотя бы достойно уйти. А жить за счет женщины... извини. Я не похож на твоего первого супруга.

Удар был меткий и достаточно болезненный. Иван действительно старался проехаться за чужой счет, если для этого представлялась хотя бы малейшая возможность. И мне самой пришлось в свое время решать после развода квартирный вопрос, причем решила я его так, что вся квартира полностью осталась Ивану, правда, с прописанным в ней сыном. Так что ситуация получалась почти забавной: зеркальное отражение. Оказывается, я в свое время поступила как «настоящий мужчина». Только не стала ждать, пока мне предоставят служебную или муниципальную квартиру, а снова вышла замуж и переехала к новому мужу.

Между прочим, никто не мешал Андрею поступить так же: переехать ко мне и жить себе, припеваючи. Он предпочел другой путь, за что его можно было только уважать. Так что зря я нервничала и анализировала странности в его поведении. Человек просто менял свою жизнь, как говорится «от и до», но опираться при этом на чье-то плечо не собирался. Особенно – на хрупкое, женское.

– Не обижайся, – положил Андрей мне руку на колено. – Когда я буду официально свободен, мы поговорим о нашей дальнейшей жизни. Но как бы она ни сложилась, у меня должен быть свой угол. Собственный. Пойми меня, пожалуйста, все эти годы я прожил совсем не так, как хотел. И только теперь появилась возможность...

– Какая возможность?

– Иногда побыть одному. Просто посидеть и поиграть в компьютерные игры, почитать любимую книгу, выспаться, наконец. Я правда люблю тебя, малыш, очень люблю. Но я пока еще точно контуженный, на меня накатывает... Ладно, это все лирика.

Вот так. На мгновение приоткрылся человек, которого я, оказывается, совсем не знала, и тут же дверца захлопнулась. Снова «настоящий мужчина» опустил забрало и приготовился путешествовать дальше в опостылевших тяжелых латах к одному ему ведомой цели. Бедняжка!

– Кстати о лирике, – тихо сказала я. – Почему-то вспомнила стихотворение Бродского. Одно из моих любимых. Хочешь, прочитаю?

Андрей кивнул. И я прочла ему это стихотворение, которое действительно входило в число моих самых-самых:

Мимо ристалищ и капищ,
Мимо храмов и баров,
Мимо шикарных кладбищ,
Мимо больших базаров,
Мира и горя мимо,
Мимо Мекки и Рима
Щедрым солнцем палимы,
Бредут по земле пилигримы.
За ними поют пустыни,
Вспыхивают зарницы,
Звезды дрожат над ними
И хрипло кричат им птицы,
Что мир остается прежним.
Да, остается прежним:
Ослепительно снежным
И сомнительно нежным.
Мир остается лживым,
Мир остается вечным.

Может быть, постижимым,
И все-таки – бесконечным.
А значит, не будет толку
От веры в святых и в бога,
А значит, остались только
Иллюзии и дорога.
И быть над землею закатам,
И быть над землею рассветам.
Удобрить ее – солдатам,
Одобрить ее – поэтам...

В машине воцарилось молчание, которое длилось, кажется, целую вечность. Потом Андрей спросил:

– Твой любимый поэт?

– Один из. Мне кажется, один из настоящих поэтов. Мне почему-то больше всего нравятся две его строки, самые, наверное, искренние: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать...»

Андрей как-то странно хмыкнул:

– Да? Искренне? А ты знаешь, где он завещал себя похоронить и, между прочим, похоронен?

К стыду моему, я этого не знала, поэтому промолчала.

– А похоронен он, – продолжал Андрей, словно не заметив моего молчания, – в Венеции. Всего-навсего. Кстати, сам выбрал. Так что правильно сам же сказал: «мир остается лживым». Все так или иначе лгут, малыш. И лирики, и физики, и поэты, и прозаики.

– И мы с тобой? – не удержалась я.

– О присутствующих обычно не говорят, – сухо ответил Андрей. – Кстати, мы приехали. Так что давай-ка возвращаться с небес на грешную землю, иначе нас в этом доме просто не поймут. Тут все больше прагматики, лирика не в почете.

Это я и без него знала.

Глава четвертая. Сумасшедшие – всегда хитрые

Отрывок из когда-то прочитанного детектива вспомнился Ирине совершенно неожиданно. Она мало читала, ее никогда не интересовала жизнь других людей, а если и доводилось перелистать книгу, то ее содержание тут же улетучивалось из памяти. Почему вдруг всплыла эта сцена – непонятно. Ирина не помнила ни названия, ни автора, ни сюжета. А вот неведомая женщина у зеркала, которая увидела в стекле свою душу, а не лицо, застряла где-то в глубинах подсознания и неожиданно вынырнула на поверхность.

– Что с тобой происходит, девочка? – спросила Ирина сама себя. – Что ты мечешься? Уймись, я чертовски устала от твоих выходов.

Привычка разговаривать сама с собой появилась у нее в швейцарской клинике, где больше и поговорить-то было не с кем. Персонал вымуштрованный, но по-русски никто не понимал ни слова. Врачи общались с ней через переводчицу – женщину без возраста и внешности, которая была совершенно незаметной. Оставалось только листать журналы с красивыми, понятными без слов рекламными фотографиями, посещать маленький кабинет красоты при клинике и гулять по парку. К концу лечения Ирина готова была пешком уйти в Москву и работать там дворником – лишь бы оказаться среди своих, понятных людей и обстановки.

Какие клятвы она себе давала в клинике накануне выписки! Не прикасаться к спиртному и сигаретам, заняться спортом, быть милой и послушной женой, перестать мотать деньги. Она мечтала, что научится разбираться в делах мужа, станет его помощницей, его правой рукой, и тогда ее будут называть Императрицей не с насмешкой и ненавистью, а с уважением. О, она станет совсем, совсем другой, только бы выбраться из этого стерильно-безупречного кошмара, только бы вернуться к нормальным людям!

Благих намерений хватило ровно на три дня. После первой же ночи, проведенной с мужем, Ирина почувствовала знакомые тоску и отвращение. После нее она впервые в «новой жизни» крепко напилась, пытаясь утопить в алкоголе стойкий привкус какой-то мерзости, которую ей пришлось проглотить. И пошла на компромисс с самой собой: пусть снова будет алкоголь, она откажется только от наркотиков, никогда больше не будет ни колотиться, ни принимать «колеса». А выпивка... Ничего страшного, свою меру она знает.

Самое главное: ей было смертельно скучно. У них почти никто не бывал, они нигде не бывали, и роскошные туалеты и побрякушки некому было демонстрировать. Ирина с тоской вспоминала первые годы супружества: тогда еще у нее сохранялись связи с бывшими подружками, которых можно было позвать в гости и наслаждаться, наблюдая их перекошенные и позеленевшие от зависти лица.

Можно было пригласить компанию в ресторан и небрежно, даже лениво заплатить по счету четырехзначную сумму в «зеленых». Тогда еще не приелись магазины, загородный особняк только строился, и можно было целыми днями выбирать мрамор для ванной комнаты или экзотические растения для зимнего сада. А теперь? Чем теперь было заполнить жуткую пустоту в жизни?

– Любовника, что ли, завести? – спросила она свое отражение в зеркале. – Молодого, изобретательного...

«И платить ему, – ехидно ответила она уже мысленно. – Все правильно, так и должно быть. Первый раз женщина краснеет, когда отдается, второй раз – когда делает это за деньги, третий – когда сама за это платит. Стукнуло тридцать лет: готовь бабки. В этом возрасте шлюхи выходят в тираж».

Она снова взглянула в зеркало. Нет, в тираж ей еще рано. Только вот эти злые морщинки в углах губ нужно убирать. И подтянуть глаза. Она приложила кончики пальцев к вискам,

разгладила кожу и зафиксировала. Вот так. Где-то у нее был записан телефон косметического центра. Надо позвонить и договориться...

Правильно, а перед этим идти к мужу, просить денег и объяснять – зачем. А эта старая обезьяна, этот чертов Попугай будет мучить ее вопросами, подозрениями, дурацкими рассуждениями о том, что в ее возрасте еще рано делать такие операции. Потом поставит условие – всегда одно и то же – и ей придется, стиснув зубы, «отрабатывать номер» в койке. Черт, как же ей все это надоело! Хоть бы он сдох поскорее...

И ведь есть же дуры, которые ей завидуют! Как же, поймала «бобра». Ничего сложного, нужно было только грамотно подобрать наживку. Она тогда работала «девушкой из эскорта» в дорогом, практически закрытом для случайных людей ночном клубе. Сначала Босс только поглядывал на нее, но выбирал других, причем на деньги не скупился.

Девчонки же между собой болтали, что этот клиент – крепкий орешек, об него и зубки обломать недолго. Вот тут-то ее и «заклинило»: поспорила, что женит на себе этого страшенького коротышку во что бы то ни стало, хотя на самом деле всерьез о таком замужестве не думала. Если выходить замуж – так за иностранца, чтобы уехать из этого кошмара. Но – поспорила, пришлось соответствовать, чтобы выдержать марку. Правда, про себя считала, что просто заставит его сделать ей предложение, засыпать подарками, завалить деньгами. А «динамо крутануть» никогда не поздно.

Первым делом она дала ему понять, что ни он, ни даже его деньги лично ей совершенно неинтересны. Она работает – вот и все. А каждый труд должен быть оплачен, это святое.

Ирина знала: Босс никогда не был женат, считая, что семейная жизнь – это только обуза, никогда не влюблялся и даже не привязывался к тем многочисленным девушкам, которые у него были, он их просто покупал, как дорогой десерт на закуску. С женщинами он никогда не был жесток, наоборот – щедр и почти ласков, хотя сквозь эту оболочку отчетливо проглядывали равнодушие и даже презрение.

«Врага надо любить его же оружием», – это парадоксальное правило Ирина исповедовала свято. И держалась с независимой дерзостью, которая, ко всему прочему, выгодно ее отличала от прочих девушек, обслуживающих подобные заведения. Подметив однажды взгляд Босса – холодный, циничный и жесткий, – она постаралась усвоить такое же выражение глаз, как бы говоря: я работаю – ты мне платишь а остальное никого не касается. Рыбак рыбака видит изда-лека – очень скоро она стала официальной любовницей Босса.

Через полгода их близких отношений она вдруг с удивлением обнаружила, что Босс ее любит. Сначала это приятно пощекотало ее самолюбие, потом несколько встревожило: влюбленный «спонсор» оказался безумно ревнивым и неудобным в повседневном обиходе. Ирина постаралась отодвинуть его на максимально безопасное расстояние и... просчиталась. Постулата: чем меньше любим... и так далее никто на самом деле не отменял.

Чем больше Ирина капризничала, жаждала независимости и откровенно издевалась над любовником, тем крепче он к ней привязывался. Она в открытую стала ему изменять – он побесился неделю, потом смирился, услышав резкую отповедь:

– Женись на мне, тогда хоть ложкой хлебай! А пока отвянь.

За десятую долю такой дерзости любого другого человека на следующий же день не было бы в живых. Ирина прекрасно это знала, но откровенно играла с огнем: опасность только придавала пикантности уже тяготящей ее связи. Но... коготок увяз – всей птичке пропасть. Босс уже не мыслил себе жизни без своенравной и стервозной красавицы. Правда, жениться все-таки не спешил, хотя в конце концов сделал ей предложение – стать его законной женой. Она только удивленно подняла одну бровь:

– Дорогой мой, я не продаюсь, меня можно только взять в аренду. Что тебя не устраивает? Я работаю – ты платишь. Захочу – уйду к другому. Пусть будет меньше денег, моя независимость мне дороже.

В первую секунду она испугалась произведенного эффекта: Босса охватил лютый гнев, еще никто не смел ему отказывать, больше всего ему в тот момент хотелось ее задушить, но... Но, судя по всему, «попал» он крепко, еще больше стал уважать ее и даже считаться с ней, чего не делал никогда и ни с кем.

Да, жизнь ее многому научила и хорошо закалила. Отца она просто не помнила, а мать категорически отказывалась говорить о нем, вообще избегала разговоров о мужчинах. Медицинская сестра, работавшая всегда на две ставки, типичная старая дева и «серая мышка», она с некоторым испугом наблюдала за тем, как из ее дочери вырастает настоящая красавица. А уж насчет характера...

Ирина чуть ли не с пяти лет поняла, что может из своей матери веревки вить: достаточно один день хранить абсолютное молчание или пригрозить, что уйдет из дома, где ей осточертели бедность и убогость. Мать тут же становилась шелковой и Ирина получала желаемое. Сначала это были игрушки и лакомства, потом – модные тряпки, которые мать где-то доставала, отказывая себе в самом необходимом.

А потом – свобода, полная свобода, когда мать, возвращавшуюся после вечерней смены, изнасиловали и убили какие-то пьяные хулиганы. Что для их подмосковного городка было достаточно обычным. Кроме одного момента: осмотр эксперта показал, что во время изнасилования мать Ирины... лишили невинности, и что она никогда не рожала.

Заодно выяснилось, что появилась она в этом городке с годовалой дочерью, а откуда приехала – уже не выяснить, поскольку архив местного паспортного стола благополучно сгорел несколько лет тому назад. Ирина подумала, сложила два и два и поняла, что мать ее не была ей настоящей матерью, а просто каким-то образом «достала» себе дочь. То ли удочерила брошенную в роддоме малышку, то ли украла.

В то время покупка детей еще была вещью неслыханной, да и денег таких у матери не нашлось бы. И вообще «бесхозных» детей тогда не было, а одиноким женщинам по закону не разрешалось усыновлять или удочерять ребенка. Так что вывод напрашивался только один, а из него следовал второй: своих законных родителей Ирина не найдет уже никогда.

Ирина собрала свои нехитрые пожитки вместе со свидетельством об окончании восьми классов и отправилась покорять Москву. Для начала – в качестве ученицы маляра на стройке, но уже через неделю попала на глаза хозяйке агентства, поставлявшего «девочек для эскорта» и год спустя уже была звездой этого агентства. Умная, честолюбивая, совершенно чуждая сантиментов девушка с полунамека понимала тонкости своей новой профессии, ловила все на лету, работала добросовестно и даже с каким-то ожесточением, добиваясь одного ей ведомого приза. Который и получила в лице миллионера, влюбившегося в нее насмерть. И которого она едва терпела в качестве клиента, вовсе не горя желанием стать его супругой.

Тем не менее, еще через полгода они все-таки поженились: Босс всегда получал то, что хотел. Теперь он уже не мог представить свою жизнь без нее. Само его существование приобрело для него другой смысл. Она стала ему не только женой, но и его ребенком, избалованной взбалмошной, его дорогой девочкой. Он прощал ей все, любые ее прихоти и безумства, лишь бы она была с ним, хотя на людях разговаривал с ней намеренно сухо и иронично.

Ее фантазии приобретали иногда самые причудливые формы, он только подсмеивался над ней, но, как говорится, береженого Бог бережет, а потому окружил ее целой толпой проверенных и преданных ему охранников, задача которых была не только охранять, но и не допускать каких-либо контактов с посторонними мужчинами. Все в обществе, в котором они вращались это знали, никто не решился бы даже на легкий флирт, понимая, что рискует головой, в прямом, а не в переносном смысле. Впрочем, она исхитрялась обходить любые запреты, это придавало остроту и пикантность ее жизни. Но за десять лет она просто устала. Нет, не просто – смертельно устала от мужа, которого никогда не любила. И от своей щедро раззолоченной клетки – тоже...

Ирина перешла с банкетки перед зеркалом в роскошное антикварное кресло, прихватив по дороге недопитый бокал и сигареты, удобно устроилась, сделала большой глоток вина, вкусно затянулась сигаретой и принялась мечтать. Вот она так сидит и вдруг распахивается дверь, вбегает перепуганная горничная и кричит:

– Скорее! С хозяином плохо!

Она встает и почти бежит в комнаты мужа, а сердце колотится у нее в груди, как бешеное. В кабинете Босса – столпотворение, обслуга мечется в панике, тут же белые халаты врачей. Один из докторов подходит к ней и берет за обе руки:

– Мужайтесь, Ирина Феликсовна. Вашего супруга больше нет...

Она бросает короткий взгляд на кушетку: там кто-то лежит.

– Дайте мне сигарету, – говорит она ровным голосом. – Как это произошло?

– Инсульт, – отвечает ей врач и почтительно дает прикурить. – Все произошло молниеносно. Наши соболезнования...

Она не плачет. Слезы выглядели бы фальшиво, о ее отношениях с супругом все если не знают, то догадываются. Она застывает в молчаливой печали и только крепко сжатый рот выдает ее напряжение.

– Дайте воды, – почти беззвучно говорит она...

Дальше воображение пока не шло, разве что вместо инсульта мечтался инфаркт. Или жуткая автокатастрофа. Или – рухнувший вертолет. Или – бандитская пуля... Все равно что, лишь бы сразу и наверняка. А ведь муженек вполне может проскрипеть еще лет эдак десять, ему всего-навсего шестьдесят с небольшими копейками. И тогда ей будет... господи, сорок лет! Она уже будет просто старой гримзой! И что?

Ирина протянула руку к наполовину пустой бутылке, не глядя, долила бокал, закурила новую сигарету. Возвращаться из сладких грез в ненавистную реальность не хотелось. Она попробовала еще раз представить себе, как ее зовут к бездыханному телу мужа, но такие вещи обычно хорошо получаются только экспромтом. «Дубль» выходил бесцветным, нежизненным, скучным...

– Ну и ладно, – сказала она вслух. – Пропустим десяток страниц. Вот я возвращаюсь с похорон...

На ней строгое черное платье от Кристиана Диора, на голове – черная шляпа с густой вуалью. Она входит в дом, который отныне полностью принадлежит ей. На ходу бросает прислуге:

– Подайте ужин ко мне в комнату...

Почему в комнату? Она же свободна, может ужинать в столовой, туда никто не придет, не будет надоедать. Нет, это позже, в первый вечер она еще побудет у себя, одна. И зачем ужин? Вполне достаточно чая... с хорошей рюмкой бренди. У нее же горе, ей плохо, она переживает...

Потом она освоит другие комнаты. Можно будет устраивать приемы: немногочисленные, но изысканные, о которых потом будет говорить «вся Москва». Молодая вдова во главе огромной, процветающей фирмы. У нее будет своя секретарша... нет, секретарь! Кабинет Босса она переоборудует по своему вкусу – настоящий ампир позапрошлого века, как на картинке в каком-то журнале. Продать к дьяволу этот особняк и купить квартиру где-нибудь в центре. Небольшую, комнат шесть-семь. Обставить ее...

О, ведь можно будет уехать за границу – и не в чертову лечебницу, а на какой-нибудь модный курорт. Познакомиться там с иностранцем... лучше графом или бароном. Выйти за него замуж. Стать светской дамой, а не купленной подстилкой старого бандита. А что? Чем она хуже других? Одна – по телевизору показывали – эмигрировала с нищим мужем во Францию. А там быстро бросила его и вышла замуж за итальянского князя. Тот скоро помер, она осталась вдовой-миллионершей. А выглядит – без слез не взглянешь. Даже зубы поправить не удосужилась, скалит в телекамеру желтые клыки...

Ирина плеснула в бокал еще. Главное – дотянуть до вечера, а потом можно принять снотворное и отключиться. В последнее время ее от тяжелой депрессии спасали только ее полумечты полу-сказки, причем в основе каждого сюжета лежало ее долгожданное вдовство. То она воображала, что лимузин мужа обстреляли неизвестные бандиты и бездыханное, окровавленное тело привозят домой. То представляла себе автокатастрофу с теми же последствиями. То всерьез размышляла о том, как бы отравить «дражайшую половину». То тешила себя идеей нанять киллера и заказать своего ненаглядного...

У всех этих грез был одинаковый неприятный финал: возврат к реальности, в которой она фактически была пленницей под круглосуточным наблюдением в шикарном особняке. Ездить куда-нибудь одной ей запрещалось категорически, а строго предупрежденная охрана даже в магазинах ей шагу ступить самостоятельно не давала. От такой жизни можно было удвиться.

Она закурила очередную сигарету и предприняла новую попытку вернуться в иллюзии. «Вот сижу я здесь и вдруг распахивается дверь...»

– Ирина Феликсовна! – услышала она вдруг и даже подпрыгнула от неожиданности. Перед ней со смущенным видом стоял охранник.

– Я стучал, вы не слышали, – пробормотал он.

– Что случилось? – внезапно севшим голосом спросила она. – Ну, что?

– Босс... – начал охранник.

– Что с ним? – ахнула она, холодея от предчувствия близкого освобождения.

– Просит вас к нему. Он в столовой.

Она чуть не закричала от жуткого разочарования.

На следующее утро она проснулась поздно, с головной болью и в состоянии рекордного похмелья. От завтрака отказалась, долго лежала в ванной, куда высыпала чуть ли не полный флакон ароматических солей, и мучительно вспоминала подробности вчерашнего вечера.

Она пришла в столовую, там был ее муж и еще один старик, огромный такой, в общем, даже красивый... если можно говорить о красоте в таком возрасте. Друг Босса – ха! Как будто у этого упыря могут быть друзья. Смотрел на нее масляными глазками, целовал ручки, говорил дежурные комплименты. Потом – провал, черная дыра. И теперь – жуткая головная боль.

«А супруг, небось, как огурчик, – злобно подумала она. – Ничего старого хрыча не берет. Когда же это кончится, господи?»

Она вылезла из ванной. Одеваться не хотелось, она завернулась в первое, что подвернулось под руку, и улеглась обратно в постель. Делать тоже ничего не хотелось, даже мысль о том, что нужно хотя бы расчесать волосы, вызывала отвращение.

«Вот так и буду лежать. И пошли они все к черту. Одеваться, краситься – кому все это нужно? Для своего уroda я и так хороша. Даже слишком».

Через час ей стало нестерпимо скучно. Злость прошла, на смену ей явилось раздражение. Ну, и что дальше? До обеда к ней никто не сунется – побоятся. Есть все равно не хочется. Правда, можно выпить. О, гениальная идея! Принять пару таблеток снотворного, запить вином – и спать, спать. А вечером проделать тоже самое. Лечат же в заграничных клиниках сном, вот и она будет лечиться...

Она приподнялась на локте и пошарила в тумбочке, где держала все самое необходимое. Под руку ей попала визитная карточка, которой прежде тут вроде бы не было. Или была? Да нет, точно не было. Ирина тупо разглядывала картонку и пыталась понять, что все это означает. Какой-то Лев Валерианович. Лев? Вчерашний хмырь, что ли? Так на кой он ей сдался? Ирина перевернула карточку и на обратной стороне увидела ровные, почти каллиграфические строки:

«Вы можете всегда на меня рассчитывать».

Ирина удивленно раскрыла глаза. Что за бред? И как это сюда попало? Без ведома мужа никто ничего подобного сделать не мог. Значит, ему это зачем-то нужно. Зачем? Она раздраженно нажала на кнопку звонка возле постели. Через минуту появилась горничная с непроницаемо-почтительным лицом.

– Узнай, у себя ли хозяин. Если его нет, то когда вернется, – отрывисто бросила ей Ирина.

Та сделала какое-то подобие книксена, повернулась и исчезла. Вернулась минут через десять: в огромном особняке впору было прокладывать трамвайную линию, чтобы добираться из одного крыла здания в другое.

– Босс у себя, – негромко доложила она, – но у него посетительница. Недавно пришла.

– Ладно, иди, – отмахнулась Ирина. – Впрочем, постой. Принеси мне бутылку вина. Того, моего.

Горничная явно колебалась.

– Я кому сказала! – разозлилась Ирина. – Развели тут шпиков на мою голову. Смотри, выгону, глазом моргнуть не успеешь.

Но через минуту ее настроение изменилось. Теперь ей стало любопытно, что еще за посетительница у ее супруга. А заодно она решила выяснить, как в ее спальне оказалась визитная карточка вчерашнего гостя. И еще у нее появилась смутная идея раздобыть денег. Как она выманит их у мужа, она не знала, никаких четких планов не было, но иногда ей блестяще удавались импровизации.

Ирина надела длинный шелковый халат, сунула ноги в домашние туфли без задников на высоких каблуках и отправилась на половину к мужу. По дороге ее осенила еще одна блестящая идея: горничная то ли принесет бутылку, то ли нет, может, придется как следует поскандалить, а в гостиной, в баре выпивки полным-полно. И она проскользнула в гостиную, которая примыкала к кабинету Босса.

В комнате – вот удача! – никого не было. Ирина прокралась к бару, бесшумно открыла его, схватила первую подвернувшуюся под руку бутылку и спрятала ее под просторный халат. Хотела было так же незаметно вернуться к себе, но вдруг услышала знакомый, скрипучий голос мужа:

– И что все это означает?

Она чуть не выронила бутылку от испуга, повернулась и... никого не увидела. Комната была по-прежнему пуста, а голос мужа доносился из-за приоткрытой двери в кабинет. Ирина осторожно перевела дыхание, снова собралась уйти, но любопытство пересилило, она подкралась к самой двери и осторожно заглянула в щель.

Муж сидел спиной к ней за письменным столом, а напротив него в кресле для посетителей сидела молодая женщина. Ирина ощутила странное чувство: желание подслушать разговор и какую-то смутную ревность. Вообще-то она совершенно не интересовалась делами мужа, в офис к нему приезжала редко и только с очередной неотложной просьбой, а дома он практически никого и никогда не принимал.

– Я спрашиваю: что все это означает? – уже с раздражением проскрипел Босс.

– Мой муж продал вам партию меха, – раздался тихий голос незнакомки. – Вот документы.

– Вижу, что документы, а не любовное письмо. Дальше что?

– Денег он от вас не получил...

– Уважаемая, тут написано: срок оплаты такой-то. То есть позавчера. Но ваш супруг за деньгами не явился. Значит, они ему не нужны.

– Он не смог, – еще тише сказала женщина и всхлипнула. – Его нет. Он погиб в авиакатастрофе.

Ирина с трудом удержалась от громкого вздоха. Вот так всегда! Любимые мужья умирают от инфаркта, подхватывают тропическую лихорадку, падают в самолетах, оставляют безутеш-

ных вдов лить слезы. А с ее коханным хоть бы что случилось! Даже гриппом гонконгским ни разу не болел...

– Сочувствую, – проронил Босс.

Сочувствия в его голосе было не больше, чем в ржавом железном листе.

– Ну, вот я и пришла... У меня почти не осталось денег...

– Послушайте! – вышел из себя Босс. – Вы рассказываете мне трогательную историю и полагаете, что я тут же выложу вам сто тысяч долларов. А потом выяснится, что от мужа вы сбежали, прихватив этот договор, и я окажусь соучастником аферистики. Увольте!

– Но я же принесла свидетельство о смерти...

– В нем не сказано, что вы его наследница. А если он все деньги завещал второму сыну от первого брака? Это же подсудное дело!

– Да не было у него никакого завещания! И женат он никогда не был, наш брак у него первый.

– Это опять же ваше утверждение, которому я почему-то должен верить. Обратитесь в соответствующие учреждения, получите соответствующие бумаги. И приходите ко мне в офис, а не сюда. Дома я отдыхаю.

– Но я целую неделю приходила к вам в офис, а вас там не было...

«Целую неделю муженек не появлялся в конторе? – изумилась про себя Ирина. – Чудеса, да и только. Где же он был, хотела бы я знать?»

– Я не обязан отчитываться перед вами, где и когда я бываю. Все, разговор закончен.

– Но мне не на что жить, – заплакала женщина. – Мне скоро хлеба будет не на что купить...

– Идите работать. Вон в поселке по соседству всегда нужны горничные и экономки. Будете сыты, с крышей над головой и так далее... В любом случае, это не мое дело!

Ирина, затаив дыхание, слушала диалог: впервые в жизни она присутствовала при том, как ее супруг вершил свои дела. Одновременно она пыталась понять, где могла видеть женщину. Правильные черты лица, темные волосы, большие очки... Смутно знакомое лицо, но откуда? Откуда?

В этот момент женщина сняла очки, чтобы вытереть глаза, и Ирина чуть не подпрыгнула от изумления. Перед ней было то самое лицо, которое она каждый день видела в зеркале, только лет на десять постарше, измученное, неухоженное. Но сходство было разительным: эта женщина могла бы быть ее старшей родной сестрой.

– Значит, вы не хотите мне заплатить, – безнадежно спросила женщина.

Босс равнодушно пожал плечами:

– Даже если хотел бы, то не могу. У вас нет никаких прав на эти деньги. Пока...

– Но сегодня вечером я уезжаю в Уральск. Там у мужа была фирма. Я достану документы...

– Вот тогда и поговорим. Только о деле, а не о вашей как бы нищете. Извините, у меня совершенно нет времени. Я и так сделал для вас исключение.

Босс коротко кивнул и углубился в бумаги. Женщина какое-то время сидела неподвижно, потом вздохнула, поднялась и, не оглядываясь, вышла из кабинета в коридор. Охранник, сидевший там, куда-то отлучился, вокруг не было ни души и только скромная сумка типа хозяйственной притулилась в стороне. Женщина взяла сумку и шагнула к выходу.

– Эй! – услышала она шепот. – Идите сюда!

Она обернулась и увидела молодую женщину в красивом халате, которая делала ей какие-то знаки из-за двустворчатой лакированной белой двери.

– Я? – недоуменно переспросила посетительница.

– Да-да, – нетерпеливо подтвердила женщина. – Скорее!

– Мой муж – жуткий скупердяй, у него зимой снега не выпросишь, – возбужденно говорила Ирина, сидя в своей комнате за богато накрытым к завтраку столом. – Но я попробую тебе помочь, Юля. Хорошо, что я услышала ваш разговор.

– Спасибо, но мне, право, неловко, – отозвалась Юлия, неловко сидя на краешке кресла. – Из-за меня вам такая морока...

– Из-за тебя, – поправила Ирина. – Мы же договорились быть на «ты». Никакой мороки, мне тут так тоскливо. Живу, как в одиночке.

Юлия обвела стены тоскующим взглядом и вздохнула:

– Один бы день так пожить!

– Завидуешь, – убежденно сказала Ирина. – А зря. Я бы, например, с тобой махнулась, не глядя. Молодая, красивая, сама себе хозяйка...

– Вдова, – невесело засмеялась Юлия, – да к тому же нищая.

Ирина отмахнулась:

– Деньги – это навоз, сегодня нет, а завтра – воз. Деньги я тебе выбью. Вопрос нескольких дней.

– Если бы мне хотя бы часть долгов вернули... Я бы все проблемы сразу решила. А так есть только немного денег – на обратный билет. И обязательно нужно в Уральск за документами. Я же не знала, какие именно понадобятся, все так запутано, столько формальностей...

– Получишь свои деньги, поедешь в Уральск, кто же спорит? У тебя уже билет есть?

– Есть, – кивнула Юля и полезла в свою объемистую сумку, которую оставила на пол возле кресла.

Она не заметила, как Ирина бросила в ее чашку несколько белых крупинок, которые тут же растворились без следа. Достала билет и протянула его новообретенной подруге.

– Вот. Сегодня вечером.

– Ну, даже если все-таки решишь ехать, то успеешь, – небрежно сказала Ирина. – Я сама тебя на вокзал отвезу, не проблема. Да, пока ты здесь...

Она позвонила и приказала горничной:

– Начальника охраны ко мне.

Через несколько минут в комнату вошел высокий, седой мужчина с военной выправкой.

– Эту женщину пускать ко мне в любое время, – властно сказала Ирина, кивая в сторону Юлии. – Донеси до своих долдонов, понял? В любое время! И выпускать – тоже. С Боссом я договорилась.

Седовласый почтительно поклонился и ретировался.

– Ну вот, теперь все в порядке, – улыбнулась Ирина Юле. – Расскажи мне поподробнее, что у тебя случилось.

Он слушала горестный рассказ Юлии о разорении и нелепой смерти ее мужа, об утрате московской прописки, о невозможности найти приличную работу, а в голове у нее бешено крутились мысли. Она понимала, что судьба послала ей уникальный шанс разнообразить свою жизнь, обрести хоть какую-то свободу, иметь возможность время от времени вырываться из этой золотой клетки.

Как это осуществить, она еще не знала, но рассчитывала для начала задержать Юлию у себя, заставить опоздать на поезд, а там видно будет. Похмелье у Ирины как рукой сняло, мощный выброс адреналина в кровь вытеснил все мысли об алкоголе, украденная в гостиной бутылка с дорогим коньяком была спрятана подальше – на черный день. Сейчас ей нужна была абсолютно трезвая голова.

– Бедняжка, – машинально посочувствовала она Юлии. – Но я все устрою. Будешь моим секретарем, работа – не бей лежачего, а тысяча баксов в месяц тебе не помешают.

– Вы не шутите? – пролепетала ошеломленная Юлия.

– Ты, ты, – поправила ее Ирина. – Мы же подруги. А потом я помогу тебе достать нужные документы, получишь свои деньги, заведешь собственное дело. Квартиру в Москве купишь. Все будет тип-топ, не волнуйся. Если я за что-то берусь...

«То добиваюсь этого всегда, – мысленно добавила она. – Ну же, давай, засыпай. Даже меня это снотворное валит с ног, а ты все сидишь и болтаешь. Ну, подружка моя, у нас мало времени. Не хватало только, чтобы ты уехала, а потом заснула по дороге. Ну...»

Юлия зевнула и смущенно прикрыла рот рукой.

– Извините, то есть извини, – сказала она. – Это, наверное, реакция. Все оказалось так неожиданно легко...

И снова зевнула.

– Конечно, конечно, – закивала Ирина, внимательно глядя на нее. – Выпей кофе, взбодрись.

Юлия послушно сделала несколько глотков и неловко поставила чашку на стол.

– Что-то мне не по себе, – тихо сказала она. – Голова кружится.

– Приляг, – как можно ласковее сказала Ирина. – Вот сюда, на кровать. Через пять минут все пройдет. Сейчас я тебе дам свои капли. У меня так тоже бывает на нервной почве. Давление скачет, как сумасшедшее.

Ирина метнулась в ванную, достала из шкафчика нераспечатанную упаковку лекарства, бросила несколько таблеток в стакан, налила минеральной воды из огромной нарядной бутылки и подождала минуту, пока таблетки растворятся. Потом с озабоченным видом вернулась в спальню. Юлия с закрытыми глазами лежала на постели.

– На, выпей, – сказала Ирина, поддерживая ей голову и поднося стакан к губам. – Сразу полегчает. Пей все, это в основном минералка. Пей.

«Господи, – подумала она, – какое счастье, что они не догадались контролировать и прием снотворного, идиоты! Но все равно запасы надо будет пополнить. Сегодня же! Кто знает, сколько времени у меня в запасе...»

Юлия покорно выпила весь стакан и снова откинулась на подушки. Пять минут спустя она крепко спала. Обнаружив это, Ирина чуть не взвизгнула от радости и испуганно зажала себе рот рукой. Не хватало еще, чтобы сюда приперлась эта идиотка-горничная.

Дальше Ирина действовала исключительно по вдохновению. Она раздела Юлию, сняла с нее очки и обрядила в один из своих роскошных пеньюаров. Потом распустила ей волосы и постаралась подкрасить лицо так, чтобы придать максимальное сходство со своим.

Конечно, абсолютной идентичности она не добилась, но с трех шагов иллюзия создавалась почти полная: в постели лежала она собственной персоной, только слишком бледная и усталая. А ближе к кровати Императрицы никто не рискнет сунуться. Даже Босс, который прекрасно знает, что спящую супругу будить – почти смертельно опасно.

В этот момент она услышала шаги за дверью и метнулась к окну, которое закрывали тяжелые, светонепроницаемые шторы. Из-за них можно было наблюдать за комнатой, самой оставаясь невидимой. Дверь бесшумно открылась и на пороге появился... Босс. Собственно, именно этого Ирина и ждала: кто еще мог осмелиться заявиться к ней без стука? Босс сделал несколько шагов вперед, увидел спящую в кровати женщину, рассыпавшую по подушке пышные пряди каштановых волос, и тут же попятился назад, стараясь двигаться как можно бесшумнее. Дверь закрылась, шаги стихли.

Ирина выскользнула из-за портьеры и исполнила какой-то дикий, ликующий танец. Получилось! Даже Босс обманулся, а уж остальные-то тем более останутся с носом. Теперь нужно действовать как можно быстрее, у нее пока в запасе лишь несколько часов. Так, деньги есть, на сегодня хватит. Документы? Пожалуй, лишняя страховка не помешает. Ирина вытряхнула на столик содержимое сумки Юлии, схватила паспорт и кое-какие купюры, оказавшиеся в кос-

метичке, а потом приступила к главной части своего замысла: нужно было подогнать свою внешность под фотографию на чужом паспорте.

Она открыла этот паспорт – и обомлела. Юлия была сфотографирована по-видимому, лет пятнадцать назад, и с фотографии на Ирину глядела... она сама. Только выражение лица было другим: мягким, доброжелательным, почти счастливым. Остальное совпадало почти полностью: разрез глаз, форма губ, овал лица... Дело портила только дата рождения: Юлия родилась на десять лет раньше Ирины. Так что задача менялась: нужно было трансформировать свою внешность не под паспорт, а под нынешнюю Юлию. Но это для Ирины, в совершенстве владевшей искусством визажистки, было делом пустяковым.

Через полчаса из зеркала на нее глядела сорокалетняя женщина с волосами, стянутыми в «конский хвост», бесцветными губами и совершенно скрытыми за темными стеклами очков глазами. Дешевые джинсы, хлопчатобумажный незатейливый свитерок, никаких украшений. Ирина сама себя не узнавала.

Машинально она протянула руку за флаконом любимых духов, но тут же ее отдернула: слишком дорогой и изысканный запах мог свести на нет весь маскарад, а на десять идиотов существует один умник, который по закону свинства мог попасться ей в самый неподходящий момент. В косметичке Юлии оказался флакончик как бы французских духов «Мажи Нуар», и Ирина побрызгала на себя жидкость с сомнительным запахом. Теперь можно было идти.

Она взяла сумку Юлии, положила туда только самое необходимое, а все остальное просто сбросила на пол и задвинула ногой под кресло. Взяла ветровку гостыи, валявшуюся на другом кресле, накинула ее себе на плечи и с замиранием сердца шагнула за порог комнаты.

До самого выхода из дома ей никто не попался навстречу. Но в холле скучала пара охранников, миновать которых не было никакой возможности.

«Кто не рискует, тот не пьет шампанского», – подумала Ирина и приняла самый робкий вид, какой только могла изобразить.

– Простите, – сказала она нежнейшим сопрано, – Ирина Феликсовна сказала, что я могу поехать по делам в город.

– Где ваша машина? – равнодушно спросил один из охранников.

– Я приехала на такси, – пискнула Ирина.

– Вы его отпустили?

– Да, конечно.

– Сейчас вызовем вам машину. Подождите здесь.

Ирина опустилась на краешек кресла, сжала сумку обеими руками и приняла вид смиренной просительницы, молясь в душе только о том, чтобы в холле не появился Босс. Он-то ее маскарад раскусит моментально.

Но судьба явно к ней благоволила. Через пятнадцать минут охранник оповестил ее, что машина пришла. Ирина выскользнула из особняка, села в такси и сказала шоферу:

– В центр, шеф. Переулок Художественного Театра.

– В Камергерский, что ли? – щегольнул шофер знанием новой топографии столицы.

– Если тебе так больше нравится, – огрызнулась Ирина. – Только побыстрее.

Ее трясло от пережитого напряжения, кураж кончился и больше всего на свете хотелось хлебнуть чего-нибудь крепкого. Она мысленно обругала себя слабонервной душой за то, что не догадалась захватить с собой фляжку с коньяком. Сейчас бы пара глотков – и все пришло бы в норму. А так придется терпеть до Москвы. И тут она заметила на обочине киоск с разноцветными банками и бутылками.

– Шеф! Тормозни! Мне дозаправиться нужно!

– Не проблема, – отозвался шофер, – у следующего и тормозну. Их тут полно понатыкано. Что, круто гуляли?

– И не говори, – неопределенно отозвалась Ирина. – Голова, как котел. Слушай, баксы не поменяешь?

– По двадцать пять пойдет?

Ирина ничего не поняла, но на всякий случай промолчала. Молчание шофер распенил, как несогласие, и тут же повысил ставки:

– Ну, по двадцать семь. Или иди в обменный пункт.

Ирина протянула ему стодолларовую купюру. Шофер съехал к обочине, заглушил мотор и начал отсчитывать деньги. Она до боли сжала руки: господи, как он копается! Если она через пять минут не выпьет, дело плохо.

– Держи, – протянул ей шофер пачку денег. – Сейчас остановимся у палатки...

Несколько минут спустя Ирина прихлебывала из банки напитков, который назывался «Белый вермут», но по вкусу напоминал переслащенную газировку. Какой-то процент алкоголя в этом пойле все-таки был, потому что противная дрожь внутри прекратилась, а голова снова стала почти ясной. Ничего, провернет дельце, вернется домой и оттянется по полной программе. Главное, застать нужного человека...

– Музыкант здесь? – спросила она швейцара кафе «Оранжевый галстук», входя в полутемный вестибюль.

– Какой еще музыкант? – рывкнул швейцар, он же вышибала, неприязненно глядя на посетительницу. – Перепила, что ли?

Ирина даже опешила от неожиданности: в прежние времена этот же самый тип ей чуть ли не в ноги падал, стоило ей переступить порог этого паршивого заведения. А тут такой прием... Но тут же вспомнила о своем маскараде, сорвала очки и негромко сказала:

– Кому хамишь, халдей? Вот ты так точно перепил. Отвечай, когда я тебя спрашиваю!

– Императрица! – ахнул швейцар и надменность мгновенно слетела с его лица, уступив место льстивому подобию страсти. – Не признал, быть вам богатой.

– Я и так не нищая! – оборвала его Ирина. – Музыкант здесь?

– Где же ему быть, если вы пожаловали? Здесь, здесь. Давненько вас видно не было. Отдыхали?

– Меня и сейчас тут нет, – хмыкнула Ирина и сунула ему в руку сторублевую бумажку. – Это у тебя галлюцинации.

Швейцар угодливо захихикал и распахнул перед Ириной неприметную дверь за вешалкой. Она шагнула в полумрак, полный застоявшегося табачного дыма и на мгновение замерла на месте. Потом глаза привыкли и она уже уверенно пошла вперед к еще одной двери.

– Музыкант! – позвала она, открывая дверь. – Встречай гостей.

Из продавленного кресла в углу поднялась длинная худая фигура мужчины. Он мгновенно вглядывался в гостью, потом с облегчением рассмеялся:

– Императрица! Что за маскарад? Сто лет не виделись.

– Сто не сто, а порядком, – отозвалась Ирина, уверенно усаживаясь в другое кресло, ничуть не лучше первого. – Товар есть?

– Тебе сегодня что?

– Для начала – косячок. И еще парочку с собой. Потом поговорим.

Мужчина словно фокусник достал откуда-то три самокрутки и протянул их Ирине. Та нервным движением выхватила из сумки зажигалку, чиркнула ею и с блаженным стоном затаилась. После второй затяжки она снова полезла в сумку и достала оттуда несколько купюр.

– Держи. Как тебя еще не замели? Не дай Бог, конечно...

– А невыгодно, – беззаботно откликнулся мужчина. – Пока не попадетсЯ какой-нибудь особо принципиальный мент, никто меня не тронет. Лишатся второй зарплаты, вот и все. Но я тут кое-какие меры уже принял... Красавица, мало даешь.

– Как всегда, – пожала плечами Ирина, ощущая действие сигареты с марихуаной.

Боже, как давно она этого не испытывала! Проклятый Босс с его швейцарской лечебницей!

– Тебя давно не было. Надо добавить еще столько же. Инфляция.

Музыкант коротко хохотнул. Ирина вдруг вспомнила, что кличку свою он получил из-за того, что обожал переносить наркотики в различных музыкальных инструментах, а на самом деле двух ног не смог бы спеть, не фальшивя. Да еще внешность имел счастливую: то ли маменькин сынок-белоручка, то ли эстрадный вундеркинд. Удачливый тип, кажется, ни разу даже не сидел.

– Возьми, – протянула она ему еще деньги. – Ты же меня знаешь, для меня эти бумажки – мусор.

– Тебе, Императрица, я даже в долг готов давать. Побольше бы таких дамочек, как ты. Так что нужно?

– Нужно, чтобы человек спал сутками, от дозы до дозы. Никакого кайфа, никаких картинок. Глубокий, ровный сон. Это первое. Второе – стимулирующее средство. Для мужика, чтобы он себя в койке суперменом чувствовал, хотя бы полчаса. Ты понял?

– Чего ж тут непонятного? Это все?

– Мне запас дней на несколько. Косячков. Я вообще-то завязала...

– А кто сомневается? У нас все клиенты – завтра второй день пойдет, как в глубокой завязке. Через пару часов сделаю. Посиди здесь или в зале – где хочешь. Готовь бабки. Хотя у тебя все всегда готово.

– Это точно, – подтвердила Императрица. – Главное, оказаться в нужное время в нужном месте. Слушай, Музыкант, у меня на все про все три часа. Давай в темпе. И скажи, чтобы мне сюда принесли выпить.

– Меня уже нет, – шутовски раскланялся Музыкант. – А заказ сей минут будет.

Действительно, через несколько минут молчаливый и незаметный официант принес бутылку настоящего итальянского вермута, кувшин сока с позвякивающими льдинками, орешки и фрукты. Императрица небрежно бросила ему купюру: официант изумленно расширил глаза и исчез. Она потянулась было за новой сигаретой с «травкой», но тут же одернула себя.

«Терпение, девочка. Всласть покуришь дома, когда доведешь дело до конца. Сейчас тебе нужна ясная голова. Это только первый выход в свет, это начало моей свободы. Нужно будет купить несколько париков, чтобы никто меня не узнавал. Изменить макияж. О, теперь пойдет совсем другая жизнь. Выкуси, чертов Попугай, ты сам говорил, что такими хитрыми, как я, бывают только настоящие сумасшедшие. Пусть я полоумная, но буду жить так, как хочу. Скорей бы ты сдох, старый кретин. Мечтаю остаться твоей вдовой. Мечтаю...»

Через два с половиной часа она мчалась на такси обратно в особняк. Музыкант поклялся всеми святыми, что одна инъекция его снадобья обеспечивает глубокий и ровный двенадцатичасовой сон. Гарантировано. Фирма веников не вяжет.

– Только не переборщи, красавица. А то вообще не проснется, умрет во сне от остановки сердца. Тут десять доз, больше пока нет. Понадобится еще – приходи через неделю. Химик сделает.

– Химик? – недоуменно переспросила Императрица.

Музыкант снова захихикал.

– Ты не думай, он в химии действительно бог, кличка у него серьезная. Давно тебя не было, отстала от жизни. Появился тут у нас такой самородок: любое снадобье может изготовить, от приворотного зелья до оружия массового уничтожения. Никто его не видел, знают только доверенные люди. И то – заочно.

– Конспираторы! – фыркнула Императрица. – Никто не видел, зато все знают. Секретно – копия на базар. Ладно, мне пора. Спасибо тебе. Скоро снова приеду. Очень скоро. Готовь «косячков» побольше, пока ими обойдусь.

– Зачем же самой мотаться? – картинно изумился Музыкант. – Запиши номер мобильного, нажмешь на кнопку – и я у твоих ног... с заказом.

– Кто тебя в особняк пустит? – надменно спросила Императрица. – Впрочем, давай номер, легче будет связь держать.

– В любой связи главное – надежность, – двусмысленно пошутил Музыкант и написал семь цифр на клочке бумаги. – Не потеряй.

– Не учи ученую! – отмахнулась Императрица, пряча клочок бумаги в пудреницу. – Лучше такси мне организуй...

Такси затормозило перед воротами особняка. Она вышла из машины. Теперь предстояло провести последний этап операции: незаметно вернуться домой. То есть так, чтобы никто ее не опознал. Уехала подруга хозяйки – она же и вернулась, выполнив поручение. А хозяйка отдыхает.

– Меня Ирина Феликсовна посылала с поручением, – сказала она охраннику. – Поменять в магазине платье. Вот.

И вытащила из сумки уголок заранее приготовленного фирменного пакета.

– Проверим, момент, – равнодушно сказал охранник и взялся за телефонную трубку.

«Проверяй, милый. Интересно, что тебе ответят. Тут все продумано, а дураки живут на другой улице. В крайнем случае...»

В крайнем случае, придется отказаться от маскарада и наорать на идиотов. Но тогда об ее «самоволке» станет известно Боссу и с едва забрезжившей свободой придется расстаться. Искать другие способы, а на это нужно время.

– Хозяйка отдыхает, – отрапортовал охранник, положив трубку. – Беспокоить не велено. Но вас ждут.

«Еще бы не ждали, когда я сама отдал все распоряжения горничной относительно моей „подруги“. В кой веки раз ничего не перепутали, работнички хреновы».

Она проскользнула в ворота и уже совершенно беспрепятственно вошла в дом. В холле дремал тот же самый тип, что несколько часов назад вызывал ей такси. При ее появлении он встрепенулся и изобразил на лице нечто вроде приветливости.

– Вернулись? Проводить вас или сами дорогу найдете?

– Сама, – пискнула она, с трудом удерживаясь от смеха.

Это же надо! Дом кишит охранниками, а пройти может кто угодно, были бы мозги в голове. Когда она станет здесь настоящей хозяйкой, то наведет порядок. У нее муха не пролетит незамеченной.

В ее комнатах было тихо. Она зажгла в спальне настольную лампу и убедилась, что горничная не заходила. Слава Богу, иначе непременно заметила бы свалку барахла под креслом. Больше таких проколов допускать нельзя. Так, а куда теперь девать эту спящую красавицу? Ирина села в кресло, задумалась, потом вскочила и быстро стала устраивать что-то вроде походной кровати за высокой спинкой дивана. При ней туда никто с уборкой не сунется, а там видно будет.

Она достала из сумки шприц и ампулу и сделала своей жертве первую инъекцию. Руки у нее немного тряслись, она не сразу попала в вену. «Успокойся, – одернула она себя, – не пори горячку. Самое страшное позади, теперь все пойдет, как по маслу. Кажется, я все предусмотрела. Даже памперсы для взрослых купила, чтобы не было проблем с этой куклой. Свобода дороже. Дура я, зачем спящую-то прятать? Пусть пока культурно полежит на кушетке. Она же спит, а не коньки отбросила».

Спустя полчаса обретшая свой естественный вид Императрица властным звонком вызвала горничную.

– Принеси мне поесть. И вина. А потом приготовишь ванну и можешь быть свободна.

– Ужин на двоих? – спросила горничная.

– Я же сказала, мне поесть. Подруга только что вернулась, она есть не хочет, устала. Завтрак подашь на двоих. Теперь поняла?

– Поняла. Только...

– Ну, что еще?

– Хозяин приказал, чтобы вы к нему пришли. Как только выпитесь.

От внезапного приступа страха Императрица чуть не потеряла сознание. Неужели выследил? И что теперь предпримет? Надо его опередить!

Глава пятая. Одна и без оружия

Сказать, что праздник по поводу повышения в звании Павла и Андрея удался, я бы не могла. Казалось, произошло то, чего они оба давным-давно ждали, к осуществлению чего приложили массу усилий, и теперь просто наслаждаются самой возможностью расслабиться и ни о чем не думать. Во всяком случае, разговор за столом не клеился, говорила только жена Павла, Елена, а я этот разговор поддерживала, хотя тема меня не слишком вдохновляла. Елена жаловалась, что вынуждена была уволить очередную домработницу и теперь непонятно, как справляться с делами. Она же – беспомощный инвалид.

– А за что вы ее уволили? – поинтересовалась я из чистой вежливости.

Ответом мне послужил темпераментный монолог о «сороке-воровке», которая не только крада всякие мелочи типа шампуня или дорогой колбасы, но еще и регулярно прикладывалась к запасам спиртного хозяина. Сама Елена, в принципе, не пила, но ущерб, нанесенный «бару Павлуши», привел ее в ярость, и прислугу выставили вон.

– Откуда вы ее взяли? – возник у меня уже закономерный вопрос. – Не с улицы же?

– Почти! – фыркнула Елена. – Из соседнего поселка. Они там все поголовно без работы сидят, так что место домработницы для них – манна небесная. Не ценят... Когда она стащила у Павлуши сувенирную ручку, буквально на моих глазах...

– Ты что, не запираешь кабинет, когда уезжаешь на работу? – спросила я Павла.

По прежним временам я помнила, что Володя, кому принадлежал кабинет, никогда не оставлял его открытым, даже если просто спускался в кухню или гостиную. Согласна, это тоже не вполне нормально, но зато надежно. У Володи никогда ничего не пропадало, да и пропасть не могло.

– У меня сейф на работе, – отозвался Павел. – А здесь я важных бумаг не держу. Кто же мог предположить, что домработница будет регулярно наведываться к моему бару?

– А это точно она? По виду не скажешь, что любительница...

Эту домработницу я видела здесь все прошлые разы. Тихая, скромная женщина средних лет, меньше всего похожая на тайную пьяницу. Впрочем, в тихом омуте...

– Ну, не Иван же, – снисходительно обронил Павел. – Он и в дом-то не заходит.

– Обратись в бюро по найму, – посоветовала я. – Пришлют с рекомендациями, профессионалку. Платить, конечно, придется побольше, чем местным жительницам...

Мое предложение осталось без ответа. Ну, взрослые люди, пусть поступают, как считают нужным. Мне стало скучно, я извинилась и сказала, что хочу подышать свежим воздухом. Меня не удерживали.

Майский вечер уже перешел в ночь, но по-прежнему было тепло, хотя звезды высыпали – как в августе. Я медленно пошла по главной дорожке, подсвеченной стоячими фонариками, к пруду, где по-прежнему стояли садовые качели-диван. Села и бездумно уставилась на воду: вот в этом пруду она хоть и течет, но по кругу, поэтому ничего как бы и не меняется. Точно так же мы сидели тут с Мариной и шушукались о всяких девичьих секретах. Да какие это были секреты – смех один. Это потом пошли сплошные тайны...

Как бы в подтверждение этих мыслей, мне почудилось, что в саду кто-то есть. Точнее, почти бесшумно идет по одной из дорожек. Шаги были легкие, но ночь была такой тихой... Потом открылась какая-то дверь и раздались неразборчивые голоса: по-моему, женские. Молчание, снова приглушенные голоса, звук закрывающейся двери, звук удаляющихся шагов, чуть более громких. Чертовщина какая-то. Глюки у меня, что ли, начались? Калитка у главного входа явно не открывалась, звук у нее довольно специфический, потому что замок – электронный с дистанционным управлением. И звонком, между прочим, никто не пользовался...

И тут я снова услышала шаги. На сей раз более твердые, уверенные, которые явно направлялись ко мне. Только не от дома, а как раз от главного входа. Неужели все-таки кто-то здесь есть?

– Картина «У омута», – услышала я мужской голос за своим плечом и подскочила от неожиданности так, что чуть не свалилась с качелей.

Секунду спустя я узнала и голос, и его обладателя. Иван плюхнулся на качели рядом со мной и тут же закурил. Я подождала, пока сердцебиение прекратится, и тоже полезла в карман за своими табачными палочками.

– Веселишься? – снова нарушил молчание Иван. – В теплой, дружеской компании, с любимым мужчиной...

От Ивана слегка, но все-таки ощутимо тянуло пивком. Всегда терпеть не могла этот запах.

– Зачем ты выпивку из бара таскал? – спросила я, подчиняясь внезапному импульсу.

– Из какого бара? – без тени удивления и очень спокойно задал он ответный вопрос.

– Из хозяйского, естественно. Из-за тебя горничную уволили, между прочим. Пары держу, ты входил в дом через заднюю веранду.

– Вот ты такая умная, с тобой поговорить – чистое удовольствие. Сама все знаешь, сама все рассказываешь. Сразу видно мэтра детектива.

– Если уж ты хочешь беседовать на иностранным языке, то женский род будет – мэтресса. Но ты торопишь события, я пока еще только учусь.

А вот Иван французскому не учился, поэтому не знал, что слово «мэтресса» на этом языке означает прежде всего «любовница», а потом уже все остальное. Я просто отбрыхалась, вот и все.

– А я пока только мучусь, – в рифму продолжил Иван. – Знаешь, как тут тоскливо. Делать абсолютно нечего, только следить, чтобы никто посторонний на участок не пролез. Откуда же он пролезет, если моя халупа прямо у входа стоит? Это помимо того, что вокруг всего поселка – своя ограда и охрана на входе. Всего и радости – отлучиться на полчаса в поселок и купить пару банок пива.

– Все так, – согласилась я, – только в данном случае твоя хата с краю.

– В каком смысле?

– В прямом, солнце мое. Северный участок ограды совпадает с общей. А за ним – рощица, овраг и все прочее. Я тут много гуляла в свое время, помню окрестности-то. Еще когда и поселка никакого не было, а несколько профессорских дач стояло.

– Так с тех пор все изменилось.

– Не уверена. Только что слышала около дома два женских голоса. Домработница уволена, я здесь, в доме – только Елена Сергеевна. Допустим, один из голосов ее, тогда чей второй?

– Вот в том-то и дело, – вдруг перешел на шепот Иван, – что здесь происходят странные вещи. Я прошлый раз пытался тебе сказать, но нам помешали. А теперь, кажется, мы одни. Послушай, здесь постоянно кто-то появляется, но я не вижу, ни как они входят, ни как они выходят.

– Они?

– Я не знаю, кто это, даже не могу понять, мужчины или женщины. Появляются не каждый день, но только тогда, когда в доме никого нет.

– Как это – никого? Куда может уйти Елена Сергеевна? Она же дома всегда.

– Так это считай – никого нет. Она из дома почти не выходит. Только когда хозяин возвращается, он иногда вывозит ее на прогулки или сюда, к пруду. Без него она сиднем сидит в своей коляске.

– Ты видел?

Иван немного смутился.

– Ну-у... в общем, когда я заходил... иногда, то в доме никого не было. Домработница ведь уходила в магазин, на рынок, в аптеку. Так вот, в доме при этом было абсолютно тихо и все двери закрыты.

– А ты не боялся, что Елена Сергеевна накроет тебя с поличным?

– Нет. К кабинету нужно подниматься еще на полдюжины ступенек со второго этажа. И пандуса там нет.

– И после этого ты будешь утверждать, что не заходил в дом?

– Ну, милая моя, там же иногда что-то делать нужно. Мне хозяин периодически оставляет список поручений: лампочку поменять, гвоздь забить, кран починить...

– И ты все это умеешь?

– Представь себе.

– Не представляю. Во время нашей совместной жизни ты всегда советовал мне вызвать мастера или самой постараться наладить быт.

– Да? Не помню. Но здесь мне за это приплачивают. Когда деньгами, когда натурой.

– То есть?

– Ну, продуктами, всякими мелочами. Слушай, ты все время сбиваешься на ерунду. Я пытаюсь тебе объяснить, что здесь происходит нечто странное, а ты выясняешь наши отношения в прошлом веке.

– Тогда давай по порядку. Что именно странного происходит? Тебя довольно трудно понять: то в доме никого нет, то туда кто-то приходит.

– Один раз я зашел по какому-то делу и услышал в гостиной голоса. Очень тихие, даже не разобрать, мужчины или женщины и сколько их. Потом шаги в сторону веранды, задней. И тишина. А потом я услышала, как коляска Елены поехала сверху вниз и решил на всякий случай смыться. Я ее боюсь.

– Почему?

– Не знаю. Она как глянет – у меня мороз по коже бежит. И вообще я калек не люблю. Тут есть еще один – наполовину калека, так к нему я бы за миллион баксов близко не подошел бы. Хорошо, что он сидит у себя в доме, только с балкона иногда зыркает.

– Да о ком ты?

И тут Иван, поминутно озираясь и вздрагивая, поведал мне историю того особняка-бастиона, который стоял в стороне от коттеджного поселка. Построил его наш простой российский магнат, удививший широкую общественность тем, что как-то взял, да и уплатил родному государству налоги на сумму в миллион долларов. У него даже не фирма – государство в государстве. Богат невпроворот, при этом страшный, как Квазимодо и Кашей Бессмертный в одном лице. А жена – молодая красотка, которую он держит взаперти и практически никуда не выпускает без солидной охраны. Сам же последнее время сидит на балконе своего особняка, то ли дремлет, то ли караулит кого-то.

– И почему тебя это пугает? – недоуменно спросила я.

– Не только меня: весь поселок. Не этот, буржуйский, а обычный, который в паре километров отсюда. Тамошних жителей ни за какие деньги не заставишь к этому особняку подойти, они утверждают, что люди там просто пропадают. Нанялся, допустим, парень охранником – и пропал. А родным отвечают, что его перевели в Москву, на фирму. Или девушку в горничные взяли – так ее больше никто никогда не видел и не слышал.

– В милицию нужно обращаться с такими проблемами, – сказала я, закуривая очередную сигарету. – А то устроили тут Бермудский треугольник местного разлива. Да и пить, кстати, надо меньше. Это я не о тебе, а о жителях поселка.

– Между прочим, одна баба оттуда в милицию обратилась. С заявлением о пропаже дочери. Через два дня ее дом сгорел, причем, что характерно, вместе с нею. И твоя замеча-

тельная милиция все это похерила, списав на несчастный случай. А дочку, естественно, никто и искать не стал.

Если честно, я даже не знала, что Ивану на это все ответить. Буйной фантазией он никогда не отличался, суеверным не был, и уж если напивался, то сначала буянил, а потом просто вырубался. То есть вел себя вполне адекватно. Все эти страшилки были совершенно не в его духе и стиле, тем более что звучали абсолютно неправдоподобно. Всем известно, что в год у нас без вести пропадает примерно сорок тысяч человек – это по официальным данным. А пожаров случается раз в десять больше, в том числе, и с человеческими жертвами. Только связывать эти два явления в логическую цепочку было несколько странно. Для нормального человека, естественно.

– А ты хозяину об этом говорил? – осведомилась я, просто чтобы хоть что-то сказать.

– Зачем? Мне положено сторожить дом и участок, вот я и сторожу. А что происходит за его пределами, меня касаться не должно. Сама же сказала: моя хата с краю.

В этот момент в доме хлопнула парадная дверь и раздались мужские голоса и шаги, явно направлявшиеся в нашу сторону. Судя по всему, Павел с Андреем вышли проветриться. Иван тоже это услышал, по-моему, еще раньше, чем я, потому что в следующую секунду рядом со мной на качелях уже никого не было, точно мне все это приснилось.

– Светуля, ты что тут грустишь у пруда в гордом одиночестве? – весело спросил Павел, подходя поближе. – Скучно тебе с нами?

Впервые он назвал меня этим уменьшительным именем, и я невольно вздрогнула. Так называл меня только один человек, прежний хозяин всего этого великолепия, человек, которого уже больше года не было в живых. А память никак не хотела его выпускать. Будь она неладна, эта самая любовь до гроба и за ним!

– Просто думаю, – как можно спокойнее ответила я. – Как и положено по инструкции: о светлом и радостном. В частности, о вашем с Андреем карьерном росте.

– Он тебе не нравится?

– Старик, она просто еще не привыкла, – вмешался Андрей. – Был майор, все нормально, а тут – раз, и подполковник. А ты так вообще полковник. Настоящий.

Несмотря на некоторую пафосность момента я невольно фыркнула. Во-первых, Андрей был в крайне веселом расположении духа, а это случалось довольно редко, но всегда очень заразительно действовало на окружающих. Во-вторых, я тут же вспомнила бессмертный шлягер нашей Примадонны и окончательно развеселилась.

– Ну вот, совсем другое дело, – тут же констатировал Андрей, садясь рядом со мной на качели и по-хозяйски притягивая меня к себе. – Пашка, я этой девушке предложение сделал, представляешь? И она не сказала «нет».

– Поздравляю, – довольно сухо отозвался Павел, усаживаясь в пластмассовое кресло возле качелей. – Только развестись не забудь.

Веселость Андрея, однако, была совершенно непоколебима. Чем это объяснить, я не знала, поскольку сталкивалась с таким явлением впервые за все время нашего знакомства.

– Не забуду, не бойся. На следующей... нет, через десять дней идем подавать заявление в загс.

Тут уж я, что называется, «выпала в осадок». Какой загс, если у него в паспорте уже стоит соответствующий штамп о браке с другой женщиной? Перепил, что ли?

По-видимому, те же мысли посетили и Павла, потому что он отреагировал молниеносно и адекватно:

– Так. Этому столику больше не наливать. Он и так в большом порядке.

Андрей от души расхохотался:

– Эх вы, умники! Заявление о разводе! Наследничек у меня уже взрослый, в суд идти незачем. Достаточно загса. Слушай, малыш, а давай соединим приятное с полезным.

– В каком смысле? – осторожно осведомилась я.

– Пойдем заодно заявление подадим.

– Не примут, – бесстрастно прокомментировал это намерение Павел.

– Почему это? – как бы даже обиделся Андрей.

– Потому что сначала нужно получить свидетельство о разводе. Это во-первых. А во-вторых, Анна вряд ли обрадуется, если ты придешь с ее, так сказать, преемницей.

– Черт, про Анну-то я и забыл, – огорчился Андрей. – Действительно, не обрадуется. И так скандал будет. Такого повода она не упустит, можно не сомневаться. Когда еще следующий раз увидимся...

– Вечером этого же дня, – так же бесстрастно заметил Павел. – Когда оба вернетесь домой. Если, конечно, ты не намерен переехать к Светлане.

– Пашка, совсем вылетело из головы! Я же комнату снял! Собственную! Так что теперь – кум королю, никто зудеть не будет.

– О присутствующих, надеюсь, не говорят? – великосветским тоном осведомилась я.

Было ясно, как день, что мой драгоценный сильно подшофе. Как говорится, о людях хороших: сегодня вечером Андрей был хорош. Правда, при этом он становился, оказывается, очень веселым и жизнерадостным, но кто знает, какая будет следующая стадия. Хорошо еще, если просто быстро заснет, но вариантов на самом деле было предостаточно: от бесконечных рассуждений «за жизнь», до элементарного буйства. Оставалось только надеяться, что присутствие Павла все-таки сдержит эту стихию. Но в любом случае для меня даже это подобие праздника было безнадежно испорчено.

Единственным лучиком света в темном царстве было то, что вопрос о разводе, кажется, наконец решился. До этого меня периодически посещали определенные сомнения, переходившие в невеселые мысли о том, что подобная ситуация может длиться до бесконечности: формальная жена в одной квартире, фактическая любовница – в другом месте на уик-энды. И все довольны. Таких историй я за свою жизнь наслушалась предостаточно и совершенно не хотела стать героиней одной из них. Все-таки любовница – это не мое амплуа. Уже не та возрастная категория. Или не тот менталитет.

Все, однако, разрешилось очень быстро и благополучно: через несколько минут Андрей замолк на полуслове и мирно засопел, а потом стал похрапывать. Я вздохнула с облегчением: такой вариант был оптимальным. Для меня, во всяком случае.

– Успокойся, – совершенно правильно растолковал мой вздох Павел, – сегодня ты наблюдала крайне редкий случай. Андрей обычно твердо знает свою меру, да и профессиональная выучка сказывается. Сегодня он просто расслабился, последний месяц был не самым легким.

– Зачем ему понадобилось переходить в милицию? – поинтересовалась я. – Причем, кажется, с твоей подачи.

– Более того – при моем непосредственном участии, – усмехнулся Павел. – Газет ты, как я понимаю, не читаешь, телевизор практически не смотришь, радио у тебя просто нет.

– Все правильно, только...

– Поэтому, – словно не слыша меня, продолжил Павел, – ты вряд ли знаешь, что происходит в наших доблестных правоохранительных органах. Во всяком случае, в некоторых их подразделениях. Не ломай голову, я тебе сам скажу: бардак происходит. Меня попросили порекомендовать надежного человека на ответственный пост, а стопроцентно поручиться я могу только за Андрея. К тому же одним из условий перехода изначально было повышение звания, а это очень многое значит. Плюс дополнительные деньги.

– А в ФСБ нельзя было получить это повышение?

– Во всяком случае, не так быстро. Пришлось бы ждать еще несколько лет. Мне. Кстати, тоже. А так все получилось очень удачно: я порекомендовал, меня в благодарность продвинули вверх.

– А в результате кривая преступности резко пойдет вниз, – усмехнулась я.

– Не исключено, – нахмурился Павел, – только не вижу тут ничего смешного.

– Извини, я просто вспомнила, что в твоём собственном доме только что поймали воровку с поличным.

– Все не так просто, как ты думаешь. Елена... Ну, она больной человек, ты же понимаешь. Я думаю, ей просто не нравилась эта домработница, вот она и прицепилась к первому же предложению. Не исключено, конечно, что женщина действительно польстилась на красивую безделушку, но можно было решить вопрос и по-другому, не доводя до увольнения. А мне теперь морока: искать новую.

– Поговори с Иваном, – посоветовала я. – У него наверняка есть масса бывших коллег, которые не купаются в роскоши. Или просто вылетели на пенсию, а это, сам понимаешь, почти за гранью...

– Неплохая идея, – слегка оживился Павел. – Поговорю, завтра же. Только...

Он замолчал, по-видимому, подбирая слова. Я тоже молчала, потому что понятия не имела, что в этом предложении могло его хоть немного смутить.

– Главное, чтобы была не слишком симпатичная, – наконец выдал из себя Павел. – Елена очень ревнивая женщина...

Вот тут я действительно онемела. Ревновать Павла было просто бессмысленно, у него была только одна страсть – работа, женщин он, по-моему, замечал только постольку поскольку. Работа – дом – работа. Уж до такой степени я в мужчинах все-таки разбираюсь, время от времени Павел при мне общался с очень привлекательными дамами, но особого блеска в глазах и прочих почти неуловимых перемен в поведении любого нормального мужчины в такой ситуации я не замечала. Да и Андрей как-то обмолвился, что уж если и есть на свете верный муж, то это – Павел, остальные все в той или иной степени кобели. С чем, в общем-то, было трудно не согласиться.

– Конечно, все дело в том, что она очень больна. Раньше такого не было.

Я, наконец, обрела дар речи:

– Ты прости, что я лезу не в свое дело, но чем вообще больна Елена? Паралич ног просто так не возникает.

– Она в детстве болела полиомиелитом, – глухо ответил Павел. – Родилась в провинции, прививки не делали. Потом лечили – в больницах, санаториях. В общем, к первому курсу института она могла ходить даже без костылей. Тогда мы познакомились и поженились. А потом – неудачная беременность, поздний выкидыш, операция. Сначала думали, что обойдется, а потом... В общем, после одного очень тяжелого гриппа у нее совсем отнялись ноги. С тех пор передвигается только в коляске, костыли она ненавидит. А маленьких детей даже видеть не может, разу начинается истерика. Это, конечно, уже психическое заболевание, но медицина, как говорят в таких случаях, бессильна. Так что она не злая, а просто глубоко несчастная, больная женщина.

– Надеюсь, ко мне она тебя не ревнует? – не без опаски поинтересовалась я. – Мне бы не хотелось...

– Окстись, – криво усмехнулся Павел. – Ты – любимая женщина Андрея, а Елена достаточно хорошо меня знает. Женщины моих друзей для меня – табу. Так было всегда, даже когда я был молодым и глупым.

– Что-то не верится, чтобы ты когда-нибудь был глупым, – засмеялась я. – По-моему, ты родился умным.

– Ага, – ответно улыбнулся Павел, – причем сразу – в погонах. Ладно, давай я этого спящего красавца отволоку в опочивальню. Завтра будет как огурчик.

– Помочь?

– С ума сошла? Сам пойдет, только во сне. Ничего, не впервые. Пошли, старик, пора в койку.

К моему огромному изумлению, этот трюк у них получился: Андрей послушно поднялся и, опираясь на Павла, торжественно прошествовал к дому. Через какое-то время за ними пошла и я: в саду уже было прохладно, да и время давно перевалило за полночь. Я неторопливо пошла к заднему крыльцу, намереваясь подняться наверх через веранду и балкон, чтобы не идти через весь дом. Павел оставил наверху зажженный свет и отблески падали на дорожку перед крыльцом. В этом слабом свете я заметила посторонний предмет, валявшийся почти у края травы. Природное любопытство заставило наклониться и посмотреть, что это такое валяется на обычно стерильно чистом пространстве.

Оказалось – всего-навсего окурки, причем дамский, да еще со следами помады. Я окурки по земле не разбрасываю принципиально, равно как не признаю дамские сигареты: трава и трава, пустой перевод денег. Елена именно такие и курит, но губы не красит. Может, это домработница напоследок «сувенир» оставила? Сперла у хозяйки дорогую сигаретку и подымила тут в кайф? Господи, ну что я заиклилась на такой ерунде? Все Иван, его разговоры о непонятных визитерах и прочей зауми. Завтра уберу эту дрянь, весь вид при дневном свете испортит.

Все-таки свежий воздух – великое дело, спится на нем идеально. Андрей проснулся часов в десять, что для него совершенно нехарактерно, причем проснулся действительно «как огурчик», что и не замедлил доказать. После чего я снова заснула, хотя вроде бы не собиралась, и окончательно очухалась только ближе к полудню. Интересно получается: один пьет, другая глаза продрать не может. Просто разделение труда какое-то.

Собираясь спуститься вниз, я вдруг вспомнила вчерашний разговор с Павлом, в частности, то, что он говорил о ревности Елены. Нужно последить за собой и воздержаться от своей дурацкой привычки: автоматически кокетничать с любым представителем сильного пола. Больной человек – есть больной человек, адекватной реакции от него дожидаться не приходится.

К моему удивлению, Елена сегодня была в превосходнейшем расположении духа. Глаза были блестящие, на щеках даже прорезался легкий румянец. И беседу она вела удивительно легко и изящно, причем – без особого предмета разговора. Просто великосветская дама. Но через некоторое время разговор все-таки обрел некоторую конкретность.

– Светлана, я давно хочу вас спросить, – сказала она, закончив милый анекдот про собачку и поручика Ржевского. – Вы с Иваном давно в разводе?

– По-моему, с момента заключения брака, – не удержалась я. – Простите, Елена, неудачная шутка. Лет восемь, наверное. А фактически чужими людьми стали значительно раньше. В общем, банальная история.

– Извините меня за любопытство, но такой видный, представительный мужчина... Он должен нравиться женщинам.

– Он и нравился, – не стала я отрицать. – И ему женщины нравились. Беда в том, что все это не слишком нравилось мне, во всяком случае, в первые годы брака. Потом, конечно, было просто безразлично.

– Я вас прекрасно понимаю, – сочувственно покачала она головой. – Неверный муж – это ужасно. На себе я, правда, этого никогда не чувствовала, мой муж в этом отношении безупречен.

Я ограничилась сочувственным кивком. Подтверждать или опровергать этот постулат казалось мне одинаково небезопасным. Кто ее знает, как она истолкует мой ответ. Честно говоря, я не совсем понимала, к чему она вообще завела этот разговор, но у сумасшедших своя логика. Хоть бы Андрей появился, что ли. Куда они с Павлом запропастились?

– Мальчики поехали за продуктами, – безошибочно прочитала она мои мысли. – Мне ведь теперь нужен запас на неделю, я остаюсь одна. Вдруг Павел задержится в городе, работа у него непредсказуемая.

– Можно Ивана попросить сходить в магазин, – сказала я самым безразличным тоном, на какой только была способна. – Он вполне способен купить и принести все необходимое.

– А это его не оскорбит?

– Не думаю, – сухо сказала я. – Думаю, не оскорбит, в крайнем случае – удивит. Пока мы были женаты, по магазинам ходила я, поскольку это – не мужское занятие. Но времена меняются и люди тоже.

– Вы с ним, кажется, все-таки сохранили хорошие отношения? Каждый раз так мило беседуете...

Когда и как она могла это заметить, хотела бы я знать? Наши разговоры с Иваном всегда происходили вне дома, к тому же достаточно далеко от него. Слышать она их явно не могла, а если видела, то выражение лиц должно было ей сказать совсем о другом. Или тут жучки везде понаставлены?

– Так, обмениваемся информацией, – уклончиво ответила я. – В основном, о сыне...

И тут же прикусила язык. Черт побери, вчера же Павел предупреждал: дети – это самая болезненная тема для его жены. Надо же было такое ляпнуть!

Но лицо Елены осталось совершенно безмятежным и по-прежнему излучало приветливость. Кажется, проскочили. Но больше я про Альку ни слова не скажу, пусть хоть пытаются.

– А вот и мальчики, – вдруг сказала Елена. – Молодцы, быстро обернулись, я даже не успела начать беспокоиться.

Я прислушалась и действительно уловила какие-то звуки в районе ворот. Но слух у Елены, конечно, отменный, можно только позавидовать. И это днем, когда вокруг происходит какая-то жизнь, сопровождаемая всевозможными звуками! Интересно, как она слышит ночью? Наверное, километров на десять в окружности, как радар.

Непонятно было только, за каким чертом «мальчиков» вообще понесло за покупками. Мы с Андреем вчера привезли запасы провизии чуть ли не на роту солдат, да и Павел перед уик-эндом обычно затаривается по полной программе. Хотя, может быть, хлеб забыли купить или еще что-нибудь. Бывает, особенно если у Елены возникли какие-то внезапные потребности в редких деликатесах или резко кончились сигареты. Кстати, я же хотела убрать окурки, на который вчера наткнулась.

– Пойду помогу разгрузиться, – улыбнулась я Елене. – И с Андреем заодно поздороваюсь, а то я его уход сегодня проспала.

Елена лучезарно улыбнулась мне в ответ и я отправилась к выходу, возле которого было вделано в стену довольно большое прямоугольное зеркало. Естественно, я в него заглянула мимоходом. И увидела за своей спиной изменившееся до неузнаваемости лицо моей собеседницы и глаза, излучавшие ледяную, огромную ненависть. Господи, помилуй и спаси! Я выскочила за дверь, как ошпаренная, хотя хватило ума не оглянуться, поскольку глазами мы с Еленой в зеркале не встретились. Кажется, я начинала понимать страхи Ивана относительно этой женщины.

Машина Павла уже стояла в гараже, но возле нее никого не было. Куда, интересно, они могли подеваться, бросив все покупки в багажнике. Или там какая-нибудь ерунда и они решили разгрузить ее после? На всякий случай я приоткрыла незапертый багажник и к своему удивлению обнаружила, что он совершенно пуст. Не считая, конечно, всяких необходимых автомобилисту приспособлений. И в салоне никаких сумок не просматривалось. По делам они, что ли, ездили? Так почему бы прямо об этом не сказать? Возможно, Елена была бы недовольна, но ведь она теперь все равно узнает, что «мальчики» отнюдь не за фуражом ездили. Впрочем, их проблемы, не мои.

Я обошла дом и подошла по дорожке к заднему крыльцу. Окурок по-прежнему валялся там, и в свете дня выглядел еще более странно, чем накануне. Я не поленилась поднять его и только теперь разглядела, что помада была какого-то удивительно ядовитого малинового цвета, которой ни одна уважающая себя женщина пользоваться не будет. Этот вид косметики – из арсенала какой-нибудь торговли с рынка, причем уроженки ближнего зарубежья. Интересно, каким ветром занесло это чудо сюда?

Я пошла к калитке, чтобы вынести этот мусор за пределы участка, а заодно и посмотреть, что происходит «на воле». На сей раз я была совершенно спокойна, поэтому увидела то, что проглядела в прошлый раз: отчетливую тропинку, уводящую от калитки в сторону рощицы.

На сей раз там не было никаких собак и я рискнула пройти дальше. На противоположном краю рощицы осмотрелась, увидела, что до проселка с этого места – от силы метров двести по открытой поляне. Проселок был мне знаком по прежним посещениям, еще при старых хозяевах, моих друзьях, и я знала, что движение по нему особой интенсивностью не отличается. Вот через километр, когда проселок перейдет в основное шоссе, будет совсем другое дело. Но туда ходить совершенно не обязательно, ничего интересного там все равно не будет.

Женская логика – великое дело! Именно повинувшись ей я, судя по всему, и направилась в сторону проселка, где мне было совершенно нечего делать. Предварительно, правда, затоптала злосчастный окурок в землю, чтобы больше никому глаза не мозолил. И только хотела закурить собственную сигарету, как в нескольких шагах вперед себя, рядом с тропинкой увидела... близнеца только что погребенного остатка сигареты. Та же марка табачного изделия, тот же цвет помады. Похоже, что хозяйка сигарет то ли приходила к дому со стороны проселка, то ли уходила этим путем. А возможно и то, и другое. В любом случае ясно было одно: у Ивана с головой все в порядке, на участке действительно бывают какие-то люди или одна какая-то женщина. Вопрос только в том, к кому и зачем она приходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.